

Виктор ХАРЧЕНКО
НА РЕКЕ ЧЕРЕМУХОВЫХ ОБЛАКОВ

Виктор Николаевич ХАРЧЕНКО родился в Ставропольском крае. Детство провел на Сахалине. Окончил Московский государственный педагогический институт имени Ленина. Работал учителем, журналистом, возглавлял общество книголюбов.

Рассказы печатались в журналах: «Сельская молодежь», «Крестьянка», «Аврора», «Нева» и других. «На реке черемуховых облаков» — первая книга Виктора Харченко.

Я хорошо знаком с творчеством Виктора Харченко, с его жизнью, и должен сказать, что лучшего пути в литературу, чем тот, который он избрал, кажется, просто не бывает. Перед тем, как отважиться писать, автор прошел для своего возраста завидно большой и разнообразный трудовой путь. Он работал егерем в заповедниках, где сблизился с природой, откуда он вынес глубокую любовь ко всему живому; работал на Севере в бригадах рыбаков, бурильщиков и такелажников, в геологических партиях.

Когда читаешь его рассказы, чувствуешь многое повидавшего человека, побывавшего во многих местах Севера и Юга, в трудных и суровых, но сохранившего, может быть, воспитавшего в себе удивительную человечность, нежную душу, которая отзывается на человеческую боль, на зов слабого о помощи, на голос живой природы.

Возьмите любой рассказ, хотя бы о маленьком песце Фимке или о бездомной собаке Цезаре, что нашла своего хозяина, вы просто никуда не денетесь от омывающей вас любви к живому, от щедрости души и тепла человеческого сердца.

Я глубоко верю в то, что эта первая книга молодого писателя открывает нашей литературе еще одно имя, самобытное, свежее, вполне самостоятельное и определенное в своих художественных исканиях и в своих уже добытых результатах.

Василий РОСЛЯКОВ

Виктор
Харченко

На реке
черемуховых
облаков

*Повесть
и рассказы*

Москва
«Молодая гвардия»
1989

Художник Валерий ЗАВЬЯЛОВ

Адрес редакции: 125015, Москва. А-15, Новодмитровская ул., д. 5а.

© Издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия».

Библиотека журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1989 г.
№ 32 (395).

**Выпуск произведения в «Библиотеке журнала ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия» приравнивается к журнальной публикации.**

ISBN 5-235-01162-7

ISSN 0131—2251

ЛЕСНОЙ СТОРОЖ

Пустошка — это дальний сенокос. Туда добираться нужно полдня. А лесник Касьян там каждый год косит, несмотря на пожилой возраст. И стожки ставит из духовитого сена, будто хлебные караваны на лесной поляне печет. Они у него хлебом-то и пахнут, эти стожки.

Сколько раз председатель предлагал Касьяну сенокос возле деревни. Потеснил бы других, если надо. Но лесник не соглашается. И корова его Варька, между прочим, тоже. Она другого сена не ест. Ей с Пустошки подавай. Так что председатель махнул на Касьяна и его привередливую корову рукой. Правда, всегда помогает с вывозкой. Назначил он Федьку, молодого тракториста. А тот любознательный. Спрашивает:

— А почему у тебя, дядя Касьян, такое духовитое сено? И мышами никогда не поедено?

— А сторож у меня на Пустошке! — ответил Касьян хитровато. — Вот у него и надо спросить насчет мышей...

— Кто у тебя там? — изумился Федька.

— Приезжай, поглядим. Заодно и сено вывезем! — бодро скавал Касьян.

Федька, конечно, знал, что дядя Касьян — чудак. Лесной человек, понятно, отличается от обыкновенного. Его и не сраву поймешь... Но за какие деньги нужно караулить посреди дальнего леса чужое сено? Да и от кого? От мышей!

Ехали в лесную глухомань на тракторе. Федька молчит, рычагами ворочает, думает про себя что-то. И Касьян молчит, глядя через дрожащее стекло кабины на лес. И кажется, кивают ему сосенки и знакомые березки... Белая борода Касьяна будто комок снега. Только не тает этот снег в теплой кабине.

«Старый совсем стал Касьян, — думает про себя Федя. — И сдалась ему эта Пустошка!»

Когда подъехали к лесной поляне, Касьян попросил остановить трактор. Он молодо соскочил на снег, подошел к стожке, весело похлопал рукавицами одна о другую, вызывая кого-то. Федька тоже вышел из кабины и глядит, что дальше будет. А дальше — как выпрыгнет что-то белое, стремительное. Сверкнуло электрической искрой и пошло скакать по тулупу лесника. Как дух какой-нибудь! А потом в рукав Касьянов нырнуло, будто в шерстяную нору.

— Кто эт-то-то? — спросил Федька, заикаясь от волнения и прижимаясь к мощной гусенице трактора. Ничего подобного он, понятно, никогда еще не видел.

— Да караульный мой — горностаюшка! — ответил ему Касьян, улыбаясь сквозь бороду. А в рукаве лесника сверкнули будто две изумрудины. И Федя рассмотрел зеленоглазую мордочку зверька.

— Дядя Касьян! А как ты его приручил — ведь он как электрический, дикий зверь? — спросил Федя, опомнившись.

— Да спас я его, — отвечал Касьян. — Вот там мой тулуп лежал. А сам я сено метал на сани. Только гляжу: филин, злая птица, над моим тулупом кружится. Шуганул я его немедленно! Улетел он, а я думаю: зачем филину мой тулуп? Зачем кружил? Подхожу, а в рукаве горностаюшка схоронился. Ему филин весь бок когтями просадил... Ну, горностаюшку я домой

взял. Молоком Варькиным отпоил... А потом обратно на Пустошку отвез. Так он у меня и живет после того...

— Не зря ты его спас, дядя Касьян! — сказал Федя, ласково глядя на зверька, что высунулся из рукава лесника, совсем не опасаясь тракториста.

— Ох, не зря! — сказал и дядя Касьян. — Он всем мышам здесь делает перевод. Почему и сено на Пустошке всегда чистое и духовитое...

— Такому сторожу можно доверить сено! — подтвердил Федя.

Бережно опустил дядя Касьян своего сторожа на стог, и пропал зверек, будто растворился в сене. Для него любая мышинная щелка — проходной двор.

Вот дядя Касьян придумал! Это же ни у кого в колхозе такого сторожа нет. Поэтому и сено не такое духовитое. Уж Федька знает в сене толк. Он, несмотря на молодость, уже два года стаскивает стожки к ферме. А вот только пустошкинское так пахнет...

Погрузили сено на сани. А один стожок на отшибе оставили нетронутым. Это чтобы в нем горностаюшка жил и над мышами пустошкинскими немногочисленными царил. И чтобы ему было где укрыться, если филин, злая птица, прилетит...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА

— Мужа моего Прохора Михайловича убили браконьеры. Он застал их с лосем. Они уже стали мясо по мешкам делить, а тут он вышел и закричал:

— Что вы сделали? Вы же советские люди!

Он бесстрашный был. Ничего не боялся. Те сначала испугались, а потом видят, что он один, а их четверо, — и убили. Народу на Вялье летом много. Свидетели были. Нашли их быстро... После суда над ними стала я думать, как мне жить дальше. Предлагали бригадиром в совхоз. Но до совхозной конторы — восемь километров через лес и мох. Дочки, Наташа и Павлина, в го-

род звали. Обе техникум заканчивали. Их в аэропорт брали по распределению. Говорят — мама, мы и тебя пристроим в аэропорту, хоть буфетчицей, хоть кассиром, ты же считать умеешь. А тут приехал старший охотовед Михаил Самодумов, говорит:

— Оставайся на кордоне, Марья Андреевна... Куда тебе срываться? Подумай сама, где я материально ответственного человека найду? А на мне ответственность — лодочная станция. К нам рыболовы всегда приезжают. Я им лодки выдаю, постельное белье...

— Кого-нибудь городского возьмите, — говорю.

— Взять-то можно, — отвечает. — Только веры у меня к ним нет. То с квитанциями начнут химичить, то лодки поразбивают, ондатру изведут... А к тебе все привыкли. Живи и работай егершей...

— А как же ружье? Я боюсь его в руки брать...

— Можешь не брать, — говорит. — Так охраняй. А мы тебе будем помогать...

Я и согласилась. Да и куда ехать? У нас же корова Катька, пяток овец, куры... Видал какие? Лилипутки. Порода такая. Называют их еще корольками. Толку от них мало. Яйца мелкие, с кулачок. Но красивые куры! Прохор Михайлович их очень любил. Как живые самоцветы! Да? Такое у нас хозяйство. В аэропорт не повезешь... А тут мне сон приснился: будто летаю я над озером, опускаюсь на зеленые берега... Поняла я, что это душа моя отдыхает. А где еще найдешь работу, чтобы душа отдыхала. Поэтому я и согласилась...

А вот моему Прохору Михайловичу другое снилось перед тем последним обходом. Снились ему люди. Сидели они у костра и о чем-то быстро говорили. А лица у них невзаправдашные были — из газетных кусков. Будто газету порвали, и из кусков поделали лица.

Он мне рассказывал — я прямо обомлела. Не к добру такое во сне видеть. Вот так и вышло — убили его. На суде выяснилось, что те — грамотные все были. Один начальником гаража работал, другой в райпо, двое последних тоже начальники.

А на озере они давно куролесили. Да к тому же пьяные были. Жалко им стало с лосем расставаться и штраф платить. Так бы за лося заплатили, а теперь за моего Прохора...

Так и осталась я без мужа. Всю работу на себя приняла. Летом особенно тяжело. Много на Вялье приезжает... Валом валят. Но порядок у меня, конечно, строгий. И с квитанциями и лодками, и с охраной... Озеро мне помогает оберегать Самодумов и молодые ребята из города. Они с рейдами приезжают, в обходы ходят. Их браконьеры боятся... А любой рыболов, которому я лодку даю, знает, где костер разводить, где дрова рубить, какие снасти можно ставить... Самодумов мне говорит: «Подожди, Андреевна! На Вялье собираются сделать заказник республиканского значения. Только научным работникам и егерям будешь постели выдавать».

Ну, заказник так заказник. Об этом давно толкуют. На озере водится черная ондатра. Обычная — рыженькая, а эта — смоль. Ондатровые шкурки под соболиные на фабрике выделывают... Ценный сорт. Этой ценной ондатре отдыхающие, конечно, мешали. А зимой вот что вышло. Кабаны поели ондатровые хатки. Не все, но достаточно погубили. Ондатре куда деваться? Потом ушли кабаны, оставили недоеденные хатки... Конечно, ондатра не только в хатках жила. Была береговая — та в норах сохранилась...

Пятнадцатого апреля я пошла в обход по берегу озера, поглядеть на ондатру. Закраинцы синели водой. Плескалась на икромете щука... У щуки икромет интересно проходит. Стоит самка-икрянка у травы, пускает икру. А вокруг — гоноки, щучьи мужья. Они на бок ложатся и льют из себя молоки. Нежнее этого ничего на свете нет, когда гоноки на бок ложатся... И вода от молок — белая! Эх, думаю, видел бы Прохор Михайлович! Он завсегда ходил смотреть на щучий икромет. Радовался жизни, тому, что на Вялье пришла весна...

И ондатра в промоинах была. У нее гон шел. Поплавают, а потом выберутся на льдину и ну пищать, ну толкаться... Среди рыженьких и смоляная ондатра попадалась. Значит, сохранилась... Очень я радовалась. Мне ондатра нравилась завсегда. Зверьки маленьких ребятишек напоминают. Такие повадки.

Когда ондатра плывет, то видно, как она пальчики растопыривает... Чудно так!

Кроме кабанов, у ондатры врагов достаточно. И люди на нее зарятся. Шкурка ондатровая ценится... В одном месте я штук сорок зверьков насчитала. Набились на льдину. Лед шатается, а они пищат. За сто метров слышно писклявую ярмарку. И тут — бах-бах, бабах!

Браконьерские выстрелы. Разозлилась я. Давно такой наглости не было. Подхожу. Вижу, парень мордастый, наглый, палкой подгоняет побитых ондатр. Ружье на плече. Я стала стыдить его. Мол, чего ты делаешь? Прекрати безобразие!

А он щерится да ондатр в рюкзак складывает. Ну а потом как толкнет меня в грудь. Я и упала... Тогда он с меня сапог стащил и на льдину забросил. Такой зверюга! Еле добралась в одном сапоге на кордон. Поверишь, по снегу, льду шла босой ногой... Шла и плакала. Бога просила наказать гада!

Ну, пришла я в избу, стала воду греть, парить ногу в тазу. Чаю напилась с малиной... Отошла маленько. Думаю, надо идти за сапогом да поглядеть, куда тот ушел... Вот такие гады и убили моего Прохора Михайловича. А я усовещивала...

Нашла я сапог, так и плавал на льдине, где ондатры женихались. А тот ворюга ушел через мох по кладям. Местный, значит. Приезжие не знали этих кладей, а этот знал... Но горевать и расстраиваться мне некогда. Хозяйством надо заниматься. То корову доить, овцам дать, кур-лилипуюток кормить. Так у меня и рассосалось... Я простуды боялась. После ледостава на озеро отдыхающие приезжали. Кто бы их обслуживал, если бы я заболела? Кто лодки, постели выдал, за порядком бы смотрел? Вот я и не простужаюсь и бюллетеней не беру...

Самодумов мне давно обещает полторы ставки платить, потому что это сколько же я обязанностей выполняю. И не болею никогда и поблажки себе не даю. Как ты думаешь, должны мне полторы ставки платить?

— Должны! — подтвердил я. — Еще как должны!

— А не платят! — пожаловалась Марья Андреевна. — А уключины ты взял?

— Взял! — сказал я, показав ей уключины.

— А куда направляешься? — спросила Марья Андреевна деловито.

— На Большую Релку! — объяснил я, укладывая в уключины тяжелые весла. — Там сейчас клев знатный должен быть... Окуни один к одному!

— Ни хвоста, ни чешуинки! — напугтовала Марья Андреевна и попросила: — Ты уж напиши про меня заметку — обещал! Чтобы знали, как я здесь живу...

— Постараюсь! — сказал я, глядя на предвечернюю гладь лесного озера. — А что то т так и не появлялся?

— Как же! Я его возила на моторке как барина.

— Куда? — удивился я.

— В больницу. На тот берег, — ответила Марья Андреевна. — Он трактористом оказался из «Нового мира»... Ондатру бил — на «Жигули» не хватало... Купил «Жигули», приехал обмывать на Вялье. На базу не пришли. На берегу бузотерили, водку пили... Пьяные у костра и заснули. А у того телогрейка промасленная была — и загорелась... Вот так мы снова встретились. Его друзья принесли волоком. Обгорел так, что кожа облезла. — Спасай, говорят, тетя Маша, срочно в больницу надо. Я и отвезла...

— Выходит, вы его спасли!

— А что с ним делать, — махнула рукой Марья Андреевна. — Раз такой случай вышел...

— Я напишу заметку, — еще раз пообещал я, отталкивая лодку от берега.

— Напиши! — сказала Марья Андреевна и пошла выдавать постельное белье любителям рыбной ловли, что толпились на крыльце рыбацкого приюта. Рыболовы пришли сюда по лесной тропке давно. И поглядывали на меня ревниво и неприязненно оттого, что Марья Андреевна уделила мне столько времени, хотя знали, что я корреспондент и собираюсь написать о гостеприимной егерше.

Отъехав, я оглянулся на высокий и обжитой берег, на котором стоял кордон и рыбацкий приют, две крепеньких избы, срубленных еще Прохором Михайловичем. По огороду бродили, сияя разноцветными перышками, куры-лилипутки. Стая само-

цветных кур была похожа на упавшую с неба радугу, что, упав, рассыпалась на обжитом берегу.

Петушок-королек, подпрыгнув, взлетел на завалинку и прокричал довольно звонко свое ку-ка-ре-ку.

За кустами звенели косы, слышался девичий и ребячий смех, музыка транзисторного приемника. Я знал, что к Марье Андреевне приехали дочери, Наташа и Павлина, с женихами. Теперь молодежь косила траву, веселилась под транзистор.

У самого берега паслись черно-белая корова и пяток овец. Овцы посмотрели на лодку равнодушно, а корова замычала, прислушавшись к скрипу уключин...

Лодка легко шла по глади лесного озера. Это озеро я хорошо знаю. Вон Камышовый остров. Большая и Малая рель (рель по-местному — остров), Холодная и Теплая заводи, где стоят шапками ондатровые хатки.

Берега озера — моховые, заросшие клюквой. Колхозники еще до войны проложили кладки к озеру, чтобы собирать клюкву, ловить и вялить рыбу. Поэтому и называли озеро — Вялье... Райское место, если подумать. Хорошо, что его бережет такой человек, как Марья Андреевна.

Предвечерний свет, исходящий с самой глубины озера, дарил душе радость. Я греб, оглядывая водную округу. И вдруг передо мной, по ходу лодки, словно горстью серебряных монет сыпануло. Что такое? — подумал я. Кто такой щедрый? По воде сыпануло снова. И тут я понял, что это стая мальков взбудоражила поверхность. Мальков преследовали окуни... Значит, окуни уже заждались моих снастей. Без улова я нынче не останусь...

НОРМАЛЬНЫЙ КАДР

— Тут такие дела творились, не приведи аллах. Чиметское начальство на охоту ездило в заповедник. Кашкалдаков били, гусей-утей, фламинго... У нас его называют розовый гусь. Редкая птица. Занесена в Красную книгу. А начальство из этой книги бешбармак готовило... И не стало фламинго. Он у нас

каждый год на пролете отдыхал. А тут как отрезало... Видно, у этих птиц тоже телеграф работает. Сообщили друг другу, что в заповеднике черные дела начались. Лучше облететь его на большой высоте.

Да что там говорить, Барат Муктиев, наш бывший директор, разрешил совхозу скот пасти в заповеднике. Как загонят полтыщи бычков на откорм, как танками пропашут, гнезда вытопчут. Егеря возмущались. А что делать? Жили одним днем. Егерь — тоже человек. У каждого коровенка, а то и две. Их надо пасти. Пасли в заповеднике. Конечно, ущерб пустяковый. Это же не совхозное стадо. Но Барат Муктиев держал егерей на крючке. Только заикнись о совхозных бычках, твоя коровенка на мясокомбинате окажется. Так что молчали егеря. Хотя знали, что за совхозных бычков Муктиев брал взятки... Тут у нас в Чимете* ресторан есть «Кызыл-Агач», что значит золотое дерево. Так он на этом дереве свил удобное гнездо. Принимал клиентов в отдельном кабинете. В контору не ходил, а в кабинете обделывал дела. Там теплая компания собиралась. Дым коромыслом стоял... Два года у нас открытого партийного собрания не было. Но дождались. И я выступил.

— В наш заповедник без противогаса уже входить нельзя. Дышать уже нечем... Нас государство поставило природу охранять. А мы последний кислород испортили. Дальше так работать нельзя...

И факты привел. Муктиев взвился, глаза вылупил:

— Ты у меня, Курбан Мамедович, от старости стал заговариваться. Думай, что говоришь!

— Давно обдумал,— говорю.— В этом заповеднике я работаю тридцать лет. И такого у нас никогда не было... А началось, когда Муктиев пришел директором. От него весь шахермахер начался. От него честные егеря стали уходить, или выгоняли их...

— Это ты себя честным считаешь? — кричит Барат Муктиев.

— Потому считаю честным, что говорю... И обращаюсь к честным людям! Они меня поддержат!

* Ч и м е т — поселок недалеко от заповедника.

Вот такое было собрание. Поддержали меня только после собрания. Подходили, когда Муктиев не видел, руку жали. Предупреждали, что Барат — шакал, мстить будет.

Но сначала — ничего. День работаю, ничего. Два работаю, ничего. Три работаю, ничего. На четвертый день еду на своем «Урале» домой. Останавливает меня чиметский милиционер Базиев с дружинниками.

— Чего везешь? — спрашивает.

— Ничего у меня нет, — говорю спокойно. А они лезут в люльку, достают мокрый мешок. Вытряхивают у меня на глазах. Посыпались битые кашкалдаки, утки, два фламинго...

— Хорошо охотись в заповеднике! — говорит Базиев.

Я спокойно так отвечаю:

— Не мой мешок!

— Твой! — говорит Базиев. — Теперь не отвертись. Будешь знать, как сильно честным себя считать...

Ну, Базиева я давно знал. Он из гнезда нашего Муктиева. Я говорю:

— Считал и буду себя честным человеком считать. Мешок не мой!

А у Базиева рожа прямо кривая от смеха.

— Твой! — говорит.

Я на Базиева акты составлял — он еще мальчишкой был. Яйца собирал в заповеднике, сетями промышлял. А потом милиционером стал. Скотом обзавелся. У него штук восемьдесят бычков было. Его брат пас, что в совхозе работал. Знаешь, здесь круговая порука была. Они все купили. В том числе и Барата Муктиева с его заповедником. Есть такая пословица: «Разрежешь арбуз, а оттуда чиметец вылезет!» Вот такие разбойники оккупировали наш район...

Составили они на меня акт, отвезли в чиметскую милицию. Я акт подписывать отказался. Требовал, чтобы приехали товарищи из заповедника и прокурор. Я знал, прокурора они еще не купили. Его к нам из Москвы прислали, и он уже начал раскручивать наших разбойников. Чиметские смеялись мне в лицо, а я требовал. Вел я себя, так сказать, буйно. Я им дверь сломал в камере... А утром приехали Барат Муктиев и начальник

чиметской милиции. Оба довольны. Рожи как тыквы. Чиметский начальник говорит:

— Будешь акт подписывать? Вот мы твоего Барата привезли. Как просил — товарища...

Барат зубы скалит:

— Подписывай,— говорит,— Курбан Мамедович! А мы что-нибудь придумаем... Можем общественного защитника прислать в суд...

— Теленок не умрет от молока матери! — говорю.— Я честный человек. Я правдой живу. И на суде скажу правду. Это ты мне, Барат, подсунул мешок!

Он в лице изменился и говорит:

— Это надо доказать!

— Прокурор-москвич докажет... Есть еще честные люди...

А начальник милиции смеется:

— Ты, Курбан Мамедович, о противогазе еще вспомнишь... Долго будешь вспоминать... Жить будешь в противогазе...

Долго не долго, а полтора года вспоминал. Осудили меня. Не помог прокурор-москвич. На него самого здесь покушение было. Стреляли в него два раза. Здесь такие черные дела творились! А потом уже приехала комиссия, стала пересматривать дела, и меня освободили — за отсутствием состава преступления.

Но я до сих пор думаю, кто меня предал? Ведь это были свои ребята. Когда мой «Урал» у конторы стоял, в люльку бросили мешок. Не мог это сам Муктиев сделать. Значит, подручные имелись. Но кто? Может быть, я с этими подручными хлеб-соль кушаю, заповедник охраняю... Вот что меня мучит. Вот ты, Саша, умный человек, на телевидении работаешь, скажи — как мне быть? Ведь Муктиев — кто? Пустышка... Фу — и нет его. Но он среди егерей нашел опору, среди простых людей... Выходит, что некоторым и при Муктиеве жилось хорошо. Снова придет Муктиев, будут друг друга продавать, жить неправдой... Как может неблагородный человек работать в заповеднике!

Молодой оператор телевидения Саша Струков, сидя на дне казанки, улыбался, слушая исповедь старейшего егеря заповедника. Он слегка продрог, хотя одет был тепло. Каспийские ветры принесли холод в заповедник, превратили волны залива в же-

лезо. Моторка будто не плыла, а тарыхтела дном по стиральной доске волн, позвякивая съёмочной аппаратурой. Так что и говорить Курбану Мамедовичу было трудно. И он наклонялся к Саше, чтобы тот его расслышал.

Железные волны еще минут пять тарыхтели о дно казанки. Наконец Курбан Мамедович повернул лодку к берегу.

— Сейчас увидишь, что хотел! — сказал егерь заговорщицки, заглушив мотор.

Через камышовую протоку продрались на веслах. Камышовая протока, как и залив, который пересекли на казанке, тоже была совершенно безжизненна.

— Куда же подевалась заповедная птица? — размышлял Саша.— Неужели все перебили муктиевы? За что же страдал Курбан Мамедович?

И тут лодка вышла на широкое озеро в камышах. Здесь было тихо, как у бога за пазухой. И лысухи, и разные утки плавали почти рядом с лодкой. А посредине озера на отмели цвело и постанывало живое облако... Фламинго! Значит, не всю перевели на бешбармак...

Каждая птица в этом живом розовом облаке жила своей жизнью, поворачивала голову, двигала голенастыми ногами, смотрела, не особенно опасаясь, на людей. И нарисовано было это живое облако тончайшими акварельными красками, нежными мазками.

Такое может только присниться — удивительно красивы эти фламинго...

Застрекотала съёмочная аппаратура. Саша снимал свой фильм, повеселев и будто согрешившись от вида живого розового облака.

Курбан Мамедович объяснял:

— Как видишь, появился у нас фламинго снова... Зимовал хорошо. Нагулявшая жир, сильная птица летит на Мадагаскар. Но часть в заповеднике остается... у которой не хватает «керосину». У нас до Муктиева всегда было много фламинго. И теперь загнездились — около двухсот пар. Ил горкой нагребут и сядут на яйца. Будто джигиты сидят на конях...

Курбан Мамедович явно гордился. Как же, редкая птица — ее только по телевизору показывать. И пока есть что показывать!

Фламинго, совсем не обращая внимания на лодку со стрекочущей по-сорочьи аппаратурой, ходили по отмели на своих длинных ногах, спускали горбатые клювы в воду, искали корм. А вокруг плавали кашкалдаки, утки и лебеди. Еще раз поймав в кадр розовое облако и лицо Курбана Мамедовича, Саша закончил съемку, а затем спросил:

— А куда этот делся, враг всего живого, Барат Муктиев? Егерь развернул лодку и ответил неспешно:

— Как говорят в нашем народе: мои уста не пьют от него воду. Глаза мои его не видят... Оказалось, что заповедные земли для совхозных бычков отдавал — это полдела. Основное дело — тут левые бригады нутрию и ондатру добывали по разрешению Барата. А шкурами делились с Муктиевым. За колючей проволокой сейчас Барат. Пусть выйдет, как говорится, с чистой совестью... У нас — новый директор заповедника, как ты знаешь...

— Знаю,— сказал Саша.— Новый директор мне сказал: «Лучше Курбана Мамедовича никто заповедник не знает... Бери его на съемку!»

Курбан Мамедович улыбнулся, покачал седой головой. Саша тоже улыбнулся, подумав: «Вот ведь как, такое пережить... И остался человеком, шутит, поговорками сыплет, птицами восхищается... Видно, любит свое егерское дело. Говорят, у него четверо детей... Но пошел на все, чтобы доказать правду...»

И еще Саша подумал вот о чем. Почему на Востоке мужчин сравнивают с орлами? Курбан Мамедович похож — подбористый, сильный, сереброголовый... И кадр получился. Живое облако над головой Курбана Мамедовича. Вполне нормальный кадр!

НА ВАХЕ-РЕКЕ

— Я, ребята, столько людей зарезал в своей жизни, что лучше не вспоминать... По ночам просыпаюсь, думаю, боже ты мой, за что такие муки и страдания. Ведь я родился от нормальных интеллигентных родителей. Меня мама любила в детстве, по головке гладила. А я режу... Отец у меня, кадровый офицер, похоронен в Ленинграде, на Пискаревском кладбище, во время бло-

кады погиб... А я у него на могиле ни разу не был. Не могу. На меня кладбище давит. На психику действует. Единственное, что меня расслабляет, — рыбалка. На реке я сил набираюсь, чтобы резать. Говорят, у меня золотые руки — людей кромсать. Ерунда это, просто опыт. Когда двадцать лет этим делом занимаешься — поневоле станешь профессионалом. Вы говорите, найди себе дело по душе, если не нравится людей резать. Не могу — пробовал. Я думаю, что если господь вручил мне хирургический скальпель, то понадеялся на меня... Кому-то надо выполнять эту работу. С годами на душе вроде корочки образуется. Но это такая корочка, что все время сочится. И сейчас сочится. Поэтому я и рассказываю, чтобы душу облегчить.

Раз начал, то расскажу. Откуда я вышел, вы знаете... Так что это первая рыбалка после того... От тюрьмы да от сумы не зарекайся. Вот и я побывал... В камере со мной еще четверо пребывало. И до сих пор баланду хлебает великолепная четверка, как я их назвал. Ребята — кровь с молоком. Один к одному... Из УБР-2*. Они в домино в балке играли после смены и пиво пили... В магазине пиво выкинули, так они четыре ящика и взяли... Вот они пили пиво и выходили из балка по одному после пива справить малую нужду... А туалета, как на грех, их контора не построила. Балок состряпали тят-ляп, а вот туалета не было. Вот ребята выходили по очереди на молодой снежок, за угол... А за углом стоял наряд милиции. Вот их и отвезли в пикет. Обвинили в злостном хулиганстве... Такие времена были — застойные, как сейчас говорят. Разобраться по-человечески, какое тут хулиганство? Постройте туалет, вот и все проблемы... Говорят, что на кассацию подали. Может, освободят. Времена изменились...

Ну, а я к этой компании примкнул по делу. Я не обижаюсь... Я человека зарезал — на операционном столе... Знаете Батыгина? Он на Самотлоре известный мужик. Начинал еще у Повха — тот вообще легенда. Его именем здесь месторождение названо. У него проходка была самая высокая... Газетчики на его буро-

* УБР — управление буровых работ.¹

вую автобусами ездили. Радио включишь — Батыгин говорит, опытом делится по скоростной проходке. Телевизор я выключал, как увижу Батыгина. Каждый день ему ордена вручали... Но, вообще-то говоря, мужик был крепкий. Умел работать. И бригаду в руках держал... У него бездельников, пьяниц не было... Да вы знаете... И вот заболел Батыгин. Операция за операцией. Пять метров кишок ему вырезали, не помогло. Нет улучшения... И вот он в нашу больницу попал. Как раз мое дежурство было. Пришел я к нему в палату. Лежит, бедный, а лицо у него, как больничная наволочка... Обследовал я его по своей методике. А потом и разговорились... Вроде об анализах должны говорить, а говорили о рыбалке...

Батыгин за воблеры стоял. Это такая штукавина — вроде заморской сигары, с тройником... Мода пошла на воблеры. А мне блесна привычнее. Зачем щуке или тайменю сигара? Им блесна нужна... В блесне больше игры, блеска. Так мы с ним даже поспорили. Он повеселел — потому что приятно о рыбалке поговорить. Потом спрашивает:

— А что, доктор, не на реке Харон мне придется порыбачить этими самыми воблерами...

— На Харон еще рано,— отвечаю.— На Вах поедем...

— Э-хе-хе! — отвечает со вздохом.— Хотелось бы... Но у меня такое чувство, что тройник меня зацепил за самое нутро и к Харону тянет...

— Постараюсь отцепить тройник,— говорю.— Хотя задача не из легких.

— Понимаю,— кивает.

— Так будем готовиться к операции?

— Да! — выдохнул он.

Я три дня читал историю его болезни. Думал... Главврач Смирнов специально меня вызвал, сказал:

— Давай Батыгина в область отправим. Он за областной больницей числится. Они его в Москву и отправляли. А к нам попал случайно...

— Как случайно?

— Из Москвы прилетел. На трапе самолета потерял сознание. Жена и привезла к нам...

— Ну а из Москвы почему отпустили?

— Сбежал из палаты! На родину помирать вернулся... Я категорически против операции Батыгина в нашей больнице... У нас и так показатели неважные...

Вот такой расклад. Нужно сказать, со Смирновым я не ладил. Он хирург коновальный. Кладбище им зарезанных — Смирновским прозвали. В народе о нем дурная слава шла... Больные отказывались от него. Ко мне норовили записаться... Времена же были застойные. Демократия в больнице как бы возбранялась. Как-то непривычно, чтобы больные себе хирурга выбирали... Хотя и тогда выбирали. Вы знаете... Со Смирновым у меня тяжелые отношения. Он завистливый был. Думал, что я под него подкапываюсь, хочу его место занять... Но мне и моего хватало... Он ко мне постоянно придирался. То документацию плохо веду, то регистрирую не так. В других больницах для бумажных дел диктофоны оборудованы. А мы все пишем... Не нравилось мне бумаготворчество. Я — хирург, а не чиновник. Слава богу, в стране бюрократов в десять раз больше, чем нужно... По моим сведениям...

Несмотря на предупреждение, готовлю Батыгина к операции, хотя по бумагам он числился за областной больницей. На летучке Смирнов с тем же предложением:

— Давайте, Илья Александрович, не будем увеличивать процент летальных исходов... О ваших фантастических проектах я слышан. Только не проверены проекты наукой... Вот и отличная наука на Батыгина рукой махнула...

Слушал я вежливо, глядя ему в рот, на сияние золотых коронок. А сам думал, недаром поговаривали, что Смирнов больных обирает. Дефицитное заграничное лекарство продавал... Говорили мне, говорили... Где же он столько золота взял, да в рот себе насовал?

— Мне Москва не указ,— отвечаю.— Я на мировой опыт ориентируюсь.

— Дело ваше,— отвечает.— Только я предупреждал... Самомнение в нашем деле может окончиться криминалом... Пропустите это через свое сознание...

Он любил такие выражения.

— Пропустил,— говорю,— уже пропустил... И сомнения у меня нет, только желание выполнить долг...

Так я ему ответил. Я прочел труд одного чешского хирурга. Мне друзья прислали из Ленинграда. В этой работе описывался случай... Вы не специалисты, вам терминология не важна. Но случай как раз мой — как у меня с Батыгиным... Когда я готовился к операции и говорил с Батыгиным, был всего один шанс из ста на успех. Теперь же, когда я прочел эту работу, шансы возросли... Имел ли я право от них отказаться?

Та летучка была мне предупреждением. Потому что Смирнов меня официально предупреждал... Но я уже решил делать операцию! Пусть бы Смирнов сто приказов издал, поперек операционной лег... Однако Смирнов поступил хитрее. Улетел в командировку, в Тюмень, на курсы повышения квалификации хирургов, возложив на меня обязанности главного. В Тюмени он и ждал известий о Батыгине. Почему он не взял с собой Батыгина? Большой — нетранспортабельный. Здесь он тоже все рассчитал...

С Батыгиным я накануне полтора часа беседовал. Он мне свой сон рассказывал:

— Снилось мне нынче, Илья Александрович, что лежу я в какой-то пещере. Заваленный каменюгами. И слышу твои шаги. Я твои шаги в палате научился различать. Как-то ходишь ты по-особенному. И вот я слышу тебя... У тебя в руке фонарик. И свет от фонарика вроде формой напоминает как бы нож особый... Вот так идешь и лучом раздвигаешь камни... Все ближе ко мне... Ну, думаю, раздвинет камни — и освободит. Камни так давят, душно... А ты идешь... Тут я и проснулся...

Все правильно, снилась ему предстоящая операция. Фонарик с лучом — скальпель. Камень — болезнь, неживое. Вот я лучом живое от неживого отделяю, освобождаю Батыгина... Вот такой сон. Сны они часто пророческие бывают. Только бы хватило сил у Батыгина, пока я к нему со своим фонариком успею подойти и вытащить... Еще говорили о рыбалке, о работе... Он мне все о каких-то задвижках автоматических толковал. Задвижка на случай выброса нефти. Она автоматически что-то там перекрывала... Вот такой человек был. Почему был? Не оправился он после операции. Умер... Его ребята без него уже эти задвижки

устанавливали. А я под следствие угодил. Смирнов отыгрался на мне. Подытожил наши отношения...

Ну, а о тех ребятах, с которыми я коротал время в камере, уже упоминал... Сочувствовали мне. Казалось бы, у них положение еще хуже... За что их затолкали? Я-то виноват, человека зарезал... Однако сочувствовали, жалобы писали... Между тем и мои больные тоже писали жалобы. В райком партии, в область, на самый верх. Мол, лучший хирург в Тюменской области, пострадал невинно. Откуда у народа такая уверенность, что лучший и что невинно? Райком партии взял мое дело под контроль. Так что и до суда дело не дошло. Но вышел ожесточенный, прямо скажу. В райкоме сказал, хирургом работать не буду. Раз у вас незаменимых нет. Пусть этот коновал Смирнов и заменит...

Короче говоря, хлопнул дверь. Из райкома снова присылают гонца. Мол, в чем дело, Илья Александрович? Твоя работа тебя ждет... Я же — спасибо, что помогли восстановить истину, остальное — мои заботы. Устроился плотником. Год работал. Окна, рамы, двери — стали моей профессией. Два детских садика отделал, школу восьмилетнюю, пока не узнал, что Смирнова спровадили на пенсию и он уехал... Тут я вернулся в больницу. Меня совесть начала грызть. Пока я в стороне от больных прохлаждался, Смирнов операции делал. А какие операции — слышаны... На него родственники им зарезанных больных в суд подавали. Но, говорят, откупился. И в Анапу подался, на покой. У него в Анапе двухэтажный каменный дом. За сто семьдесят тысяч купил... Откуда у врача могут быть такие сбережения? Но у Смирнова нашлись. Он продумал, как ему жить до пенсии и на пенсии. Ну, бог с ним. Я рад, что он больше операций не делает... Меня же утвердили главврачом...

И вот какой случай: в палате у меня дед оказался. Девяносто два года ему. Иван Герасимович Ванчугин. Заслуженный человек. Знаменит тем, что сам Дзержинский купил ему билет в наши края. Дед мне рассказывал. Оказывается, Ванчугин — известный был до революции медвежатник. Сейфы купеческие чистил. Такой дока, что равных ему не было. А вот после революции Дзержинский вызвал его и говорит:

— Дорогой Иван Герасимович, слышан о ваших талантах —

по части купеческих сейфов. Но сейфы стали государственными. А нашей ЧК своих забот хватает... Так что поезжайте за Урал...

Ванчугин послушал доброго совета, уехал, устроился охотником-промысловиком. Так что стал уже настоящим медвежатником. Медведей в верховьях Ваха промыслял, соболя. Дожил до глубокой старости. Два сына — один на Самотлоре на буровой работает, другой — офицер, в Академии Генерального штаба учился... Такой занятный дед. Я его обследовал. Оказалось, ему надо было делать такую операцию, как и Батыгину. Я трое суток размышлял. Когда обожжешься на смерти человека, которого полюбил, начнешь заново все шансы пересчитывать.

Ну вот, сделал я операцию! И что же? Медвежатник мне каждый Новый год открытки шлет... Жив-здоров, на охоту ходит, пушнину сдает, внукам ягоду собирает... Такой жизнестойкий дед! Можно сказать, пример для всех нас... Ну, а нам пора уже, ребята! А то как бы утренний клев не упустить за разговорами да байками...

И ребята, что слушали исповедь хирурга у рыбацкого костра, зашевелились, стали потягиваться и подниматься, поглядывая на едва побелевший восток и на прибрежные кусты, за которыми блестела река.

— Живи и режь, дорогой Илья Александрович! — говорили они.

— Долгая тебе лета!

— Только не бери в голову, что плохое видел... Бери, что хорошее! — И даже похлопали Илью Александровича по спине. Таким способом товарищи выразили свою любовь и одобрение, приняв близко к сердцу его исповедь.

Рыболовы были все свои, самотлорские. Бородатый очкарик Владимир Антонович, геофизик; сухонький, но жилистый. Винивытыч, каротажник. Румяные братья Пятницкие, дизелисты... Почти каждый выходной компания приезжала на Вах отвести душу. И хирургу, что примкнул к этой компании, среди них было хорошо.

Минут через пятнадцать Илья Александрович пристроился со своей удочкой у насосной станции, и один за другим стал таскать серебряных чебаков, тихо посмеиваясь и что-то бормоча,

забыв о своих горестях. Здесь, на реке, он набирался сил для новых операций...

Утро сияло и отражалось в реке. А река, казалось, вышла из берегов, затопив пойменные леса, болотистую тундру за ними голубоватым светом.

НОЧЬ ДОВЕРИЯ

Вокруг, сколько видит глаз, бесчисленные озера. Это земля после потопа. Столько здесь воды. Под ногами чавкает мокрый мох. То и дело перехожу ручейки и речки. Ориентиром мне служит купол метеостанции, окрашенный под зебру черной и белой краской. Я иду, оборотясь к нему спиной. Когда я буду возвращаться, купол должен маячить впереди.

Уток, к моему удивлению, маловато. Я видел турпана, которого местные жители называют полярным тетеревом за красивые оперение. Брови у него действительно красные, как у тетерева. Я заметил это, когда турпан стремительно пронесся над моей головой, горя малиновыми бровями и разбрасывая сияние брачного наряда.

Полярный тетерев опустился метрах в трехстах от меня, на середину большого озера. И пока я крался к нему, обходя ручьи и протоки, он спокойно нырял и кормился. Однако на ружейный выстрел так и не подпустил.

Еще я видел двух рыжих олушек, которые, несмотря на имя, где ясно слышится слово «олух», оказались осмотрительны и хитры. Увидев меня, они как по команде нырнули. А появились уже в другом озере, где раньше кормился турпан. Озера были связаны еще и скрытыми протоками. Утки лучше меня знали местные условия. А скрадывать их в голой тундре я еще не научился.

Были и кулички. Некоторые с голубя. Они перелетали недалеко, распевая свои брачные песни, словно подсвистывали мне и поддразнивали. Но кулик что за добыча! Я и патронов не стал тратить. А решил возвращаться обратно, раз уж мне так не везет... Утром надо было идти на работу.

И вдруг слева от меня появился туман. Сначала он вился

голубой дымкой. А потом надвинулся лавиной, поглотив меня и допотопный мир с его бесчисленными озерами, похожими одно на другое.

Зебрастый купол пропал в тумане, будто под снежным обвалом. И я понял, что вполне могу заблудиться. Я не учел того, что хотя в середине лета в Заполярье не бывает сумерек, но что-то наподобие ночи существует. Этот туман и есть замена ночи в светлых сутках полярного дня. И куда теперь идти?

Часа два я походил, натываясь на озера и протоки. Метеостанции нигде не было, хотя ее купол промаячил в последний раз совсем близко. Стало холодать. Ребята из моей такелажной бригады рассказывали случаи, когда люди замерзали в тундре при нулевой температуре. То есть погибали от переохлаждения. Костер не разведешь. Под ногами камни и мокрый мох. Только в движении было спасение. Но если шагать безостановочно, то можно так далеко забраться, что потом и вовсе не выберешься. О таком мне тоже рассказывали.

Я знал, что метеостанция подает знаки нашим космическим кораблям. Больше всего мне показалось обидным то, что станция, ведя корабли в глубинах Вселенной, не могла мне мигнуть какой-нибудь электрической лампочкой. И тогда я решил ходить вокруг озера. Потому что это был лучший маршрут для спасения.

Радовало, что я не один ходил в тумане. Вокруг меня бежали все те же вездесущие кулички. Они стали удивительно доверчивы. Некоторые шмыгали чуть ли не у ног. Казалось, они рождаются в тумане. Столько их было, свистящих, доверчивых, продолжающих свои брачные игры. Потом рядом с берегом на воду опустился, покрякивая, турпан, которого я неудачно скрадывал в начале своей охоты. Его разноцветная одежда светилась сквозь туман и колыхалась над водой. Стрелять я не стал, зачарованный доверием птицы и состоянием, которое охватило природу и меня. И в голове у меня стоял такой же туман. Не хотелось тревожить эту удивительную ночь пальбой.

Вдруг я почувствовал, что меня обнюхивает какое-то крупное животное. Рогатая морда высунулась из тумана. А туловище казалось длинным и лохматым, как у допотопного чудовища. Но

глаза у рогача были доверчиво-голубые, русалочки. Животное дышало на меня своим теплом, согревая и желая спасти. Никогда я не думал, что дикий северный олень может подойти так близко. Ни кулички, ни турпан, ни олень не чувствовали во мне врага. Будто я и вправду оказался на земле после потопа. И сам будто заново родился.

В этом тумане живые существа еще не разделились на хищников и добычу. А жили совместно и свободно, ничуть не опасаясь друг друга, полагая, что я тоже родился здесь в тумане и мало отличаюсь от них.

Я мог погладить рукой каждое существо. Они были родными для меня. Как и я для них. Это была ночь доверия, хотя, конечно, никаких ночей не бывает здесь в это время года. Просто туман лег на землю, просто туман... Потом он позолотился и стал растворяться, открыв голубовато-белесый провал заполярного неба. И кулички перестали шнырять возле моих ног. Косясь на мое ружье, поднялся турпан, сияя оперением. Того рогача, что обнюхивал меня и согревал дыханием, и след простыл. Сколько я ни оглядывал уходящую увалами и сверкающую озерами тундру, ничего похожего на оленя не находил. А ведь несколько минут назад я мог погладить его рукой...

Удивительно, что, несмотря на эту ночь без сна и прогулок вокруг озера, я чувствовал себя бодро. Так, наверное, чувствует себя лунатик после ночных гуляний и впечатлений, которые он принимает за сны. Так что и смену в своей такелажной бригаде я отработал без усталости.

НА РЕКЕ ЧЕРЕМУХОВЫХ ОБЛАКОВ

Сеня заглянул за белоснежный куст, похожий на теплый сугроб. В яме под ним плавал громадный таймень, жарко горя в воде пурпурными боками. А глаза... какие глаза! Совсем не рыбы! Такие глаза — у птицы Феникс, если она, конечно, есть на свете.

— Сеня, иди уху хлебать! — крикнули ему взрослые. — И спать уже пора! Завтра наглядись!

Нет, Сеня никогда такого не видел. Он чувствовал себя просто на седьмом небе из-за того, что его взяли на рыбалку и что он своими глазами видел тайменя. А таежная река, где еще недавно плавал таймень, была окружена весенними сугробами цветущей черемухи. И получалось так, что это река не по земле текла, а среди облаков!

— Когда вытащили его,— говорил дядя Кологрив, прикуривая,— я хотел обратно в воду сунуть. Неужели, думаю, природа эту красоту для утробы человека создает?

Вместо нормальной руки у дяди Кологрива была сплюснутая и розовая, как молодая картошка, культия. Но он ловко прикуривал. Уголек, словно прирученный, дымился в культе и не жег кожу. Сеня бы все отдал, чтобы быть на месте Кологрива и рассказывать о своей удаче.

— А для чего же? — спрашивали рыболовы.

— Здоровенный попался!

— Пузатый! Не таймениха ли? Тогда полведра красной икры содить можно!

— Да балычок!

— Да жареха!

— И такой деликатес — в воду!

— Приплывет, когда рак свистнет!

— Это надо родиться второй раз в той же счастливой сорочке.

Рыболовы горланили нежно и растерянно, укоряя товарища. Кологрив смотрел на всех грустными глазами и только головой кивал. В поселке он был скромным и незаметным человеком. Работал на пилораме. Даже после того, как однажды ему отрезало там пальцы, так и остался работать пильщиком. Такой он был человек. Считал, что даже из-за его несчастья не стоит выдумывать другую работу, хотя ему предлагали поехать на курсы и выучиться на нормировщика. Но уж очень громко звучала эта профессия. И Кологрив остался при своей. Семьи у него не было. И выходные он проводил на этой реке. Сюда он ездил на пустых платформах лесовозной кукушки. Привозил тяжелые куканы красноперок и чебачков, вялил и угощал товарищей. Может быть, этими вялеными угощениями и был знаменит. Но мало ли кто

кого и чем угощает — разве от этого он становится более известным! Незаметно жил Кологрив. А теперь ему попался этот красавец-таймень. Конечно, Кологриву все помогали его вытаскивать. И Сеня помогал, схватив речное чудище за огненный хвост. На мелководье таймень так барахтался, что даже взрослые рыбаки падали и кувыркались. Но, конечно, вытащили. Разве против поселковских мужиков тайменю устоять! Но почему именно Кологриву попался этот таймень? И почему он хотел отпустить рыбу?

— Работу, как вы знаете, ребята, я ценю, — рассказывал Кологрив, покуривая. — У меня настроенные пилы поют, как оркестр. Что сосна, что лиственница — все нипочем. Но зачем мы зареченский лес стали брать? Отсюда берем! А река наша обмелеет, я вам точно говорю. Здесь же заказник надо делать! В последнее время мне работа не в радость. Как подумаю об этой реке... Вы говорите — закуска... Конечно, балычок можно закоптить. Но зачем мы пойменный лес губим...

Круглое лицо Кологрива лизал огонь. А он говорил и говорил, будто не чувствуя жара. Костер отражался в темной воде черемуховой реки. И в яме под кустом отражался! Как будто два отражения хотели соединиться и уплыть по вольной реке, унося свой огонь в глубину.

Неужели река обмелеет? И в ней никогда не будут водиться таймени? — думал Сеня, засыпая и не соглашаясь с этим. Ему приснилось, что черемуховые облака поднялись над рекой, смешались там с настоящими и пролились дождем. И река поднялась высоко, чуть ли не до самых этих смешанных облаков. А таймень выплыл из ямы и подставил Сене широкую и удобную для езды спину. И они поплыли среди снежных и теплых облаков. Река изменила свое течение и несла воды рядом с поселком Сени, с другими селениями и городами. Люди выходили из домов и радовались, глядя на Сеню и тайменя, любуясь рекой. Такую реку они и во сне не видели! Сеня показал рукой, приглашая сесть рядом и покататься на таймене. Он был такой громадный, этот огненный таймень, что мог уместить на своей спине всех, кто хочет, и катать среди черемуховых облаков. Лишь бы река не обмелела и была такой всегда.

— Отпустил, раззява! — услышал Сеня сквозь сон голоса. И сразу понял, что это о таймене. Сеня протер глаза и увидел, что на берегу бегали вчерашние ночевщики, мечтавшие о хорошей закуске. Они бегали, свистя спиннингами и полосуя воду.

— Культя несчастный!

— Такую удачу надо двумя руками держать!

— Пропала закуска!

Сеня вскочил как на пружине. Подбежал к яме за кустом. Огненного невольника в ней не было. Яма была пуста и холодна. Только черемуховые ветки обтаяли с краю. А таежная река огненно светилась то ли от солнца, то ли от алого блеска вернувшегося в родные воды тайменя. Может быть, он был огненной душой реки, родной брат птицы Феникс и утреннего солнца!

— Зачем вы так, дядя Кологрив? — спросил Сеня у этого безалаберного взрослого, когда тот бочком подошел к остывшему костру и нашарил в нем уголек, чтобы прикурить.

— Сколько времени потратили. Ездили...

— Не поймать им нипочем! — сказал Кологрив, зорко поглядывая на суетящихся товарищей. — Зря только воду мутят!

И наклонившись к Сене, дыша веселым дымком, сказал шепотом:

— Зачем, спрашиваешь? За тем, что мне такие не попадались. Один он на всю реку. Понял? Мы лучше с тобой чебачков да красноперки надергаем. А этот пусть живет... Вырастешь, может, тебе попадетс...

— Я его сразу отпущу! — сказал Сеня. За себя он мог поручиться.

СПАСИТЕЛЬ ХОХУЧЧИ

Женился Валера на тальманщице* Зюечке. Она-то поняла, что Валера человек с характером. С ним не пропадешь. А в понедельник после свадьбы Валера на работу вышел. Ему говорят со вздохом:

* Т а л ь м а н щ и ц а — учетчица при погрузке судов.

— Ехать тебе надо, Валера!

— Куда еще?

— В Хохуччу!

— Что я там забыл?

Хохучча — это же не ближний свет. Двое суток в один конец.

— Люди мерзнут, — объясняют. — Сам знаешь, там центральное отопление провели. А горючку полностью не завезли, хотя котельная новая...

— Мне-то что! — говорит Валера. — Пусть начальника снимают, однако. Как он котельную строил, а горючку к ней не завез!

— Уже сняли! — говорят. — А люди мерзнут!

Ну так и уговорили. Люди же!

Поставили ему бочку с горючкой на сани. К ним приторочили мешки с почтой. Ведь месяц не было связи с Хохуччей из-за нелетной погоды. Вся надежда на Валеру. В провозатые дали хохуччинского парня Захара. Он как раз котельщик этой самой новой котельной. Хотя она новая, а вот запчастей к ней не было. А тут возьми и выйди из строя клапаны. Захар достал их в райцентре. И кое-какие запчасти достал. А вот обратно улететь не смог. И ждал погоды в аэропорту, мучась оттого, что не может помочь своим землякам, у которых к тому же кончилось топливо. Так что он обрадовался, когда узнал, что Валеру туда направляют.

И поехали они на пару. Путь держали вдоль берега. Это чтобы не сбиться с пути. И не заехать, предположим, на Северный полюс, который, кстати, был недалек.

Когда начинался пурговой заряд, они пережидали. Вслепую же не поедешь. Кругом трещины. Из трещин и полыней глядели на них нерпы. Высовывали свои круглые мордахи и глядели, как по ледяной корке катит оранжевая бочка. А в кабине трактора Валера с Захаром о чем-то беседуют.

— У нее глаза, — рассказывал Валера, — туши свет! Зеленые, как у горноста, и светятся. Однако заботится обо мне!

— Когда-никогда, а жениться все равно надо! — миролюбиво говорил Захар и думал о своих делах.

В родной Хохучче теперь новая власть. Старого председателя сняли как несправившегося. Сколько раз Захар говорил ему об этих клапанах. С такими клапанами никаких запасов до навигации не хватит. Дизель глотал топливо, как алкоголик спирт на дармовщинку. Вот и не стало горючки.

Должность свою Захар ценил. Считал, что в жизни котельщик значит не меньше, чем председатель. Может многое предвидеть. Новым председателем стал Виноградов. А это же дядя Захара. И теперь эти клапаны, запчасти и бочка существенно укрепят авторитет нового. Докажут, что прежний никуда не годился, раз не слушал советов котельщика. И появление самого Захара в родном поселке станет торжеством простого человека.

Лукав был Захар и умел радоваться переменам в жизни.

Опять ударил заряд. Берег закрыло кисленьким снежком. Товарищи остановились, решив поправить груз на санях.

— Гляди-ка,— крикнул Захар.

— Чего, однако?

— Под ноги гляди!

Валера открыл залепленные снегом глаза. меховые передки его унтов обнюхивал белоснежный песок.

— Он непуганый! — сказал опытный Захар. И стал приближаться мелкими шажками. В руке он держал монтировку и был похож в этот момент на метателя копья. Голая его ладонь мерзла. Но Захар терпел. Может быть, непуганый зверек и сам бы подошел к Захару. Но уж очень страхолюдная рожа была у котельщика. Может быть, он даже услышал скрип зубов Захара. Зверек подпрыгнул и пропал в снежной тьме, будто кусочек сахара в молоке растворился.

— Жалко! — сказал Захар. — Я подумал знаешь о чем? Почему на тебя жена смотрела зелеными глазами? Она просила у тебя тепла. А что может быть теплее песцовых кяч!

Валера тоже пожалел об упущенной добыче. Он молчал полчаса, а потом сказал:

— Понимаешь, насчет тепла ты правильно сказал, однако. Я, к примеру, думаю всю квартиру коврами обить, чтобы ей тепло было!

Оба были северянами и говорили о тепле конкретно.

— Я ей такие условия создам! Ведь она меня тоже бережет! Со свадьбы началось. Я как выпью, меня на курево тянет. Так она не дает.

— Ну и что?

— Заботится — вот что! Мужики смеются! Ну тебе и жена попалась. Тальманит твои затыжки. А я так считаю, что заботится. Никто обо мне не заботился так.

— А сама она не курит?

— Боже упаси!

— Повезло тебе! — сказал Захар. — У нас хохуччинские девки не такие. На танцах в клубе смолят по-черному. Что мы, говорят, хуже тиксинских? Я знаю, некоторые не только курят, даже боксом занимаются. Я поэтому и не женюсь пока...

Говорил Захар чисто, без акцента. Молодые якуты вообще хорошо говорят по-русски. И горести у них те же, что и у русских парней. Так что Валера с Захаром поговорили от души.

До самого полюса лежали ледяные просторы, искореженные торосами.

Светового дня было мало, часа два. Так что ехали в темноте, лоя прожекторами трещины и полыньи.

Встречала их вся Хохучча. Валера в толпе увидел молодого и осанистого якута в очках. И понял, что это новый председатель.

— Спаситель Хохуччи! — сказал он, пожимая Валерину руку. А потом зачем-то погладил по шапке.

Захар засмеялся.

Якутская детвора в оленьих дошках таранилась на Валеру раскосыми и узкими глазами, толпясь вокруг. Будто этот русский парень привез на санях не бочку с горючкой, а полярное солнце.

Так Валера стал как бы родным для хохуччинцев.

Он помылся в котельной, отдохнул и стал собираться в обратную дорогу.

Председатель принес два мешка мороженой нельмы. У них так. Если им понравиться, то без подарка не отпустят.

А Захар — чудак, кянчи принес. Об этих меховых черевичках мечтают все русские жены. Рукодельная работа!

Валера ехал вдоль берега двое суток не смыкая глаз, торопясь к жене с подарками. Так, может быть, и доехал бы, да уж очень торопился. Захара рядом не было. Хотя он и разговорчивый, а контролировал Валеру. Глаз не спускал с дороги. Когда затрещало вокруг, трактор стал оседать и крениться. Валера оглянулся. Саней за спиной не было. Их словно слизнула синяя полынья.

Выпрыгнул из кабины. И его будто кнутом хлестнуло!

Он чудом выполз из ледяной купели. Встал, шатаясь, поспешно соображая, куда бежать. Только в движении было его спасение. Он это понимал!

Мерцали льды и звезды. Валера стучался коленями о полы шубы. И она звенела, как погребальный колокол. Тогда Валера сбросил шубу и побежал. Падал, и бежал, и полз через торосы. Его дом был на краю поселка. Когда он вполз в квартиру под утро и Зочка увидела стонущую ледышку и узнала в ней своего мужа, то тихо заплакала.

Ребята еще потом в гараже спорили, дополз бы Валера, если бы не жена? Сошлись на мнении, что вряд ли. Так что хорошо, что он женился загодя. Женатому лучше в такой ситуации. Помогло еще и то, что Валера, как все местные, знал, откуда ветер дует. И куда надо бежать. Если под утро, то с северо-востока. Оттуда и заряды подаются. Днем — чаще восточный. Впрочем, бывает и наоборот. Так что нужно нос по ветру держать, если жить хочешь.

На следующий день Валера пошел в поликлинику, чтобы взять бюллетень.

Ему смазали щеки и нос вазелином. Поставили градусник, температуры нет. Даже доктора удивились. Выполз из-под льда чуть живой. А температуры нет! А раз нет, то и больничный не положен. И не дали ему бюллетень. Валера даже жаловаться на них хотел. А потом плюнул. Нет, вытаскивать трактор он бы и так поехал. Однако надеялся, что больничный ему выпишут. Он же молодоженом был. Это надо понимать. Ему хотелось с Зочкой побыть.

А трактор вытащили. Водолазы завели трос и двумя краями дернули. Сани, правда, оборвались. Их под лед унесло.

Это обидно показалось мужикам. Все-таки два мешка отборной нельмы пропало. А вот кянчи сохранились. Они в кабине плавали за стеклом.

Кянчи хохуччинские Валера потом высушил. Хотя они мокли сутки, шерсть не полезла. И кожа не испортилась, а наоборот, выдубилась солью.

БАБА КАПА

От станции, где я живу, до деревни Луги километров десять по лесной, местами топкой дороге, проходящей мимо речонки с древним названием Ящера. Речка и вправду похожа на ящерицу: то нырнет в заросли, то на камешки заберется, греется на солнце. А чуть вспугнешь — и нет ее! Пропала в зелени и камнях, чтобы появиться через минуту неподалеку как ни в чем не бывало.

Засмотрелся я. Вдруг — трах! Будто оплеуху получил. И брызги в лицо. Это бобр кормился на берегу. И так выразил свое ко мне отношение. А чуть утихло бобровое возмущение, утка закричала. Да так голосисто. Будто весной.

Пока дошел, столько впечатлений набрался. А баба Капа меня еще издали увидела, запела:

Где же, миленький, ты был,
так перемочился?

Отвечаю ей в лад:

Я у скотного двора
танцевать учился.
Там высокая трава,
вот и промочился.

Баба Капа смеется. Смеются ее мелкие, как древесные кольца на срезе, морщины. Вот ведь как! Запомнил частушку.

— За клюквой пришел?

— Ну да, — говорю. — Не скажешь ведь прямо, что соскучился. Не родственники.

А вот и Олег, ее сын, похожий на худосочного мальчика, хотя ему за сорок. Он стоит с мешком посреди двора. Рядом

с ним его молодая жена, Катя, женщина толстая, с надменным и хмурым лицом.

Она сразу отрубилась:

— Олег за клюквой не пойдет, яблоки надо убирать!

— Да сколько же можно, — ворчит баба Капа. Она жалуется на невестку. И жадна, и неопрятна, и неуважительна. Я помалкиваю. Здесь семейная вражда.

Мы с бабой Капой после ухода молодой четы пьем чай, забеливая его молоком. Чай — непростой: заварен на зверобое, кипрее и девясиле. Баба Капа знает в этом толк. Она смягчает понемногу, спрашивает меня, знаю ли я деда Антона.

— Губастый такой? — говорю я. — Видел: в магазине водку брал!

— На станции? — удивляется баба Капа. — Вот ведь куда бегать стал. А в больнице лежал, откуда уже не выходят.

— Как же он тогда вышел?

— Поеду, говорит, в Луги помирать. Приехал — серый, как мешок. Я ему стала отвар черемуховый носить. Кору мелко изотру — и стал он пить. Сейчас, видишь, на станцию бегают...

— Неужели! — вскрикиваю я, готовый сам бежать (сообщить в какую академию). — Отвар из коры!

— Можно из коры. Можно цветами или ягодами заваривать, — говорит баба Капа, не понимая моего волнения.

— Так надо же лечить! Сколько народу страдает! — говорю я.

— Пусть приходят, — отвечает баба Капа. — Черемухи у меня — пропасть.

Катя мне по весне — давай вырубим, яблонь насадим. Я не дала. Я люблю, когда черемуха цветет. Хорошо, как в Леушино. Леушино — это деревня бабы Капиного детства.

Господи, чего только не узнаешь от бабы Капы... Прошлый раз я песню записал, антиалкогольную, как я ее назвал. Пользуясь настроением бабы Капы, уточняю слова. Баба Капа с готовностью начинает напевать:

Зимней хаты не мела, печи не топила,
мужа с самого утра в город проводила.
Два лукошка толокна продала соседу,
накупила я вина, собрала беседу.

Она поет о том, как пьянствует жена, а потом приходит муж, и ее достигает расплата:

О тебя, моя душа, изорву всю плетку. Не меняй ты никогда толочно на водку! У соседа толочно детушки хлебают. Почему же у тебя плачут, голодают?

А кончается песня так:

Ох, болит моя спина, голова кружится,
а во сне же толочно, толочно все снится.

Песня — плясовая, под нее веселились на дулянках,

В нашей деревне Леушино почти все пели песни, — рассказывает баба Капа. — У нас был такой, по прозвищу Полутка Жижин. Работать не любил. Зато песни пел.. Разными мотивами, разными голосами — женскими, мужскими, детскими. Однажды шел пароход в Гершиково и стал на бок заваливаться. Он пел, а весь народ сгрудился на палубе в одну сторону. Выходит капитан и говорит:

— Гражданин! Прекратите свои песни! У нас пароход пошел бочком!

А публика кричит:

— Это же Полутка Жижин! Пускай он на середину выходит и поет!

А капитан говорит:

— Так он без билета вдобавок едет. Я его ссажу!

— Мы ему купим! — народ кричит. — Пусть только поет!

Клюква здесь крупная, будто булы кто рассыпал, светится на зеленом мху. Я собираю ягоду и вспоминаю бабы Капины, чашушки:

Хотел я уточку убить,
Серая закрикала,
Хотел другую полюбить,
Старая заплакала.

Целый роман — хотел другую полюбить. А кто другая? Девочка Капа или ее подружка. И над кем смеялись леушинские парни:

Ягодиночка моя,
черемуховая веточка,
ну зачем ты завлекла
такого малолеточка?

Баба Капа помнит тысячи частушек. Сочиняет сама. Я в прошлый раз помог Олегу дрова колоть и палец поранил. Она тут же сочинила:

Витя руку порубил.
Поведем в больницу.
Но сперва завяжем палец
в белую тряпицу.

Ну, баба Капа!

В ее песнях крепкая сила черемуховой коры, трав и ягод. Наверное, песни помогли бабе Капе вынести то, что выпало на ее долю...

Вечером пьем чай. Олег с Катей принесли три мешка яблок. Козы хрумкают в клетки дармовыми плодами. Пахнет молоком и яблоками. Но острее — колдовскими травами, распаренными в кипятке: сладковатая струя кипрея, в народе его зовут иван-чай, терпкий и легкий — девясил, горьковато-целебный — деревей. Уже один запах снимает болотную усталость, дает облегчение душе.

Баба Капа рассказывает о блокаде. Я смотрю на Олега. Он горбится за столом. У него большой бледный рот изголодавшегося подростка, серые щеки. Но жизнь в деревне ему на пользу.

Что лучше — молоко хлебать козье или воду — объяснила Катя. Она заботится о нем. Мне это приятно. Ведь ради Кати он бросил инженерную работу — сейчас дежурит на лифтах через день на третий. Я этого не одобрил. Но Олег объяснил мне, что перешел на лифты, чтобы изобретать. На прежней работе для этого не было времени.

Катя тоже лифтерша. Внимательнее всех бабу Капу слушает она, стараясь хотя бы этим угодить свекрови.

— Олежек у меня спрашивает: «Что ты завтра будешь делать, мама?» — рассказывает баба Капа. — «Завтра я полезу на крышу. Зажигалки буду тушить. А тебя дома оставлять нельзя. Тебе нужно в детский садик». Олег зеваet. «А есть мне принесла?» — «Нет, сынуля, ничего». — «Я есть хочу!» — «Ну, ешь меня!» — «Как тебя есть — ты жива-а-а!»

— Это кто говорит так? — спрашивает Катя.

— Олег! Кто еще! — говорит баба Капа.

Олег хрумкнул яблоком в знак согласия, что именно он так говорил.

— Спасла меня матушка от голода, чтобы я на тебе женился,— говорит он, прожевывая.

— Живем не хуже людей,— говорит Катя, решив, что она выполнила свой долг, послушав свекровь сколько надо.

— Молодец, что спасла,— говорю я.

— Завтра рано вставать, пойду на сеновал,— говорит Катя, поправляя волосы извечно женственным жестом и слегка потягиваясь.

— Сейчас и я! — откликается Олег живо. Они уходят на сеновал. Мы с бабой Капой остаемся вдвоем.

— ...Офицер едет на белой лошади. Не лошадь, а пава белая. Никогда я такой не видела. Вдруг бомбить начали. Смотрю, лежит офицер... А лошадь ногами дергает. Голову ей оторвало. Кто что стал хватать — я голову схватила. А куда бежать? К Неве бегу. Слышу — за мной идут. Расхватили, видно, лошадь. Решили у меня голову отнять. Я спустилась, где сваи выворотило бомбой. Стою. А они кричат на берегу, ищут. Потом слышу — один говорит: «Утонула она! Жалко голову...»

А Нева дырявая от бомб. Думали, что я побежал через реку...

Поправились мы с той головы с Олешкой.

Баба Капа утирает глаза, а я отворачиваюсь, чтобы не видеть слез.

— ...Хлеб они возили. Две дюжие девки в гимнастерках. Зырк-зырк по сторонам. А я у окна заклеенного стою. Спрятали они что-то в трубу. Как уехали, я кирпичи отложила — а там хлеб! Две буханки. Пришла домой, куда прятать? Комната голая. Обои и те посдирали на топку. Тогда я в печь положила. И огонь для виду развела. Щепочки горят, а хлеб внутри. Приходят.

— Хлеб брала?

— Ничего не знаю.

— Признавайся, а то хуже будет!

— Бог с вами, ищите,— говорю.

Перерыли всю комнату. А в печь не заглянули. Поели мы горячего хлеба...

Всю блокаду баба Капа работала на заводе. На токарном станке делала головки для снарядов. У нее и грамоты остались. Я видел на них росписи парторгов блокадного Ленинграда — блекло-голубые, как жилочки на руках бабы Капы. Это ее жизнь, ее память, как и лошадиная голова и две буханки хлеба. На пенсию она вышла с изоляторного завода. Сразу купила дом в заброшенной деревне, хотя и прожила в Ленинграде почти всю жизнь. Из деревни своей Леушино она уехала во время коллективизации. Олег долго не женился.

— Да вот нашел какую-то. Хотя бы гуляли, а то нет — сошлись и живут нерасписанные. А распишутся, она на дом будет метить. Хитрая...

— А Олег знает? — спрашиваю я.

— Олегу все равно, — говорит баба Капа, видимо, проверив давно на сыне эту информацию. И повторила мечтательно: — Разладилось бы у них.

— Что ты, баба, — говорю я. — Олег ее любит, пускай живут!

— Рохля он, — говорит баба Капа. — Приворожила она его. Я как-то постель перебирала, нашла гляди чего!

Она быстро достала из-за божницы какую-то соломинку.

— Что это?

— Быль-травка. Подкладывает она, когда с Олегом ложится. Она сейчас на сеновале ночует, чтобы я не нашла.

— А что за трава?

— Такая травка, — говорит баба Капа заговорщицки. — Положишь в постель с кем спишь, не разлюбит никогда.

— А другую траву нельзя положить? — спрашиваю я, чтобы не расстраивать бабу Капу.

— Клала я им разрыв-траву, — сказала баба Капа. — Не помогает. Она ее выбрасывает. Как лечь, постель всю перещупает. А найдет — выбрасывает...

Да, помочь ничем нельзя. Но я знаю, баба Капа будет подкладывать и подкладывать эту траву и бороться за сына Олега. Такой уж человек баба Капа. Она никому не позволит любить своего сына больше, чем сама.

Спал я хорошо. Как дома. Приснился мне леушинский Полутка. «Белобрысенькую Капу рано раскулачили,— пел он.— Ее белые штанишки на торги назначили». — «Гражданин, прекратите свои песни,— сказал я ему.— У вас билета нет». На что он китровато подмигнул и раскрыл рот еще шире; и уже голосом бабы Капы пел: «Не меняй ты никогда толокно на водку!» И я стал подпевать. Так мы пели с Полуткой Жижиным ночь напролет.

Недавно на станции я встретил Олега и жену Катю. Они уже расписались.

— И Капитолина Захаровна довольна,— сказала Катя.— А то, что она говорила, будто я в больнице от нервов лежала, ты не верь. Она ревнует. Все время ревнует меня к Олегу.

Я поздравил молодых и спросил о здоровье бабы Капы.

— Похворала тут,— сказал Олег.— Сердце хватало. По три раза за ночь с постели падала. Сейчас лучше стало.

— Легкие у нее плохие,— пожаловалась Катя.

— Это когда на изоляторном работала — силикоз получила, профессиональная болезнь. Врач говорит, что у нее вместо легких фарфоровый изолятор стоит,— объяснил Олег и улыбнулся виновато.— Но ничего, в деревне люди долго живут, воздух чистый.

— Олегу она все условия создала,— сказала Катя.— Приедет с дежурства, сидит над книгами, молочко попивает.

— Приняли мой патент,— сказал Олег.— Времени много стало. Хочу еще три изобретения запатентовать: подвеска шасси — это целый клубок, только размотать...

— Размотаешь,— сказала Катя, хотя она в подвесках не разбиралась.

Мы попрощались. Он ушел по дороге на Луги, сын бабы Капы и блокадного Ленинграда. Он немного горбился, но шел легко. Его молодая жена семенила следом. Снежок сыпался. На спине Кати он лежал как сахарная пудра на пасхальном куличе.

УЙБАЧА

В стойбище Огонерх жил семейный якут Горохов и пас совхозных оленей. Ему помогали жена и дети. Пролететь мимо стойбища без посадки вертолет Ми-6 никак не мог. Во-первых, охота на волков явно не задалась и надо было посоветоваться с Гороховым и разузнать, где волки. Куда они могли деться. Все полярную ночь беспрестанно они тревожили совхозные стада, а вот теперь куда-то исчезли... Во-вторых, надо было заправиться. А у Горохова — бочка авиационного керосина... В-третьих, надо было забрать одного из мальчишек Горохова в поселковый интернат, где он учился. Об этом просил директор совхоза, выделивший деньги на охоту.

Пока заправлялись, Горохов-старший, дородный и молодежавый якут в оленьей кухлянке, принес завязанный в мешковину мотор снегохода, какой должны починить в совхозной мастерской, потом несколько пачек песцовых шкур. Ему помогали дети, одетые в такие же оленьи кухлянки.

Старший сын, помогая отцу, не снимал школьный ранец, что висел у него за спиной. Одет он был по-походному. За поясом — охотничий нож в ножнах. Видимо, этого огольца и нужно было доставить в интернат.

— Уйбача! — сказал Горохов-отец, смешно коверкая слова. Садись-ка. А нозик отдай! А то усительница отоберет, однако..

Молоденький смешливый бортмеханик Веня засмеялся, глядя на гордого Уйбачу со школьным ранцем и ножом. Вытирая снегом испачканные керосином руки, он сказал:

— Мальчик, отдай бате нож! А то на борт не возьму...

— Куда денешься, парень, — ответил Уйбача насмешливо, видимо, зная, что его полет оплачен совхозной кассой. Бортмеханик перестал улыбаться и спросил:

— А ты кто такой? Кто? А?

— Пастух и охотник! — объяснил Уйбача гордо, отставив правую ногу и вполне независимо глядя на Веню.

— Уйбача! Уйбача! — выглянула из брезентового чума пресатоволбная якутка и затараторила по-якутски быстро и взволнованно.

ванно, но так, что даже Веня понял, что она уговаривала сына оставить нож. Однако Уйбача упрямо помотал головой.

— Учительница отоберет! — сказал и отец, вежливо заглядывая в раскосые глаза упрямого сына.

— На такой тесак нужно разрешение милиции, — сказал веско Веня, пораженный упрямотою юного тундрового мужичка.

Без умолку кричала мать Уйбачи, размахивая руками, предлагая применить родительское насилие и отнять опасный нож у мальчугана. Однако пацанчик был непреклонен. И без ножа не садился, отталкивая своих братьев в кухлянках, что тянулись к его ножу.

— Да черт с ним! — крикнул в сердцах седоусый Завьялов, командир вертолета. — Пушай как знает... Время дорого...

И Горохов-отец стал подсаживать свое упрямое чадо в салон. Он сердился. Но, кажется, в глубине души гордился упрямым ребенком. Упрямее его Уйбачи на свете никого не было...

— А сам не полетишь, что ли, Иннокентьевич? — спросил Завьялов сквозь рев вертолетных моторов.

— Уйбача все покажет... Он — в курсе... — ответил Горохов. Видимо, он был уверен не только в упрямоте своего сына.

— Мы летали, не нашли! — пробурчал Веня. — А тут — нате... Какой-то шкет... Волков сейчас днем с огнем не найдешь! В заповедник подались. А оттуда не выкуришь...

Вертолетные моторы взвыли. Стальная пелена винтов подняла машину в воздух...

И в салоне Уйбача не потерял петушиного гонора. Стал показывать Завьялову, куда править машину. Будто был маленьким хозяином не только в своем стойбище, но и здесь, над землей.

Внизу мела ледяная весенняя поземка. Вертолетная тень шарахалась по буграм и сопочкам, пугая мелкие стада диких оленей, что шли к местам отела...

— Ты точно знаешь, где волки? — спрашивал Завьялов, покручивая седой ус и неотрывно глядя в белое раздолье, простиравшееся внизу.

— Знаю, парень, однако, — отвечал мальчишка. — Скоро увидим...

— Так что же мы ничего не видели? — с обидой спросил Веня. — Мы каждый распадок обшарили...

— Никуда не денутся, — отвечал мальчик.

— Как же — никуда, это же волки, — говорил Веня.

— Знаю, парень, я волков, — продолжал степенно мальчик. — Волк — хитрый... Вертолет услышит, в снег закапывается. Под деревом встанет, лапы на ствол положит. Сам видел. Но я их найду...

— А где ты такое видел? — спрашивал недоверчиво Веня, вспоминая сегодняшний маршрут, который пролегал и среди лесотундры. Значит, волки могли спрятаться под деревья, как говорил мальчик, или закопаться...

— Оленей пас, видел в бинокль, — отвечал мальчик. — Честно скажу. Надо волков разогнать. А то папка премию не получит... Потери от волков большие стали, однако...

— Вот почему ты с нами решил лететь, — улыбнулся в усы Завьялов. — Чтобы папка премию получил...

— Заботливый сыночек! — хохотнул Веня и решил, что до поры до времени не будет разоблачать юного вруна, рассказям которого поверит разве что интернатская ребятня... И тут Уйбача закричал:

— Вот они! А ты не верил, парень...

Веня кубарем скатился к правому борту, подхватив карабин. Дверца была заблаговременно снята. Проем перегораживала крепкая сосновая доска, из-за которой Веня и собирался стрелять...

Крупные, каждый чуть ли не с олениху, полярные волки шли галопом, рассыпавшись веером и надеясь оторваться от вертолета. Их было четверо... Веня лягнул затвором и пошевелил плечом, разминаясь перед выстрелом.

Самый крупный волчара на бегу изрыгал съеденное мясо, отмечая свой путь красными штрихами... Волк увидел, что вертолет поворачивается именно за ним, крутнулся в распадок и побежал такими немислимыми петлями, что Завьялову пришлось применить все свое мастерство, чтобы не потерять волка... Горизонт качнулся. Синие горы вдали, казалось, зашевелились и стали падать. Солнце сверкнуло почему-то снизу.

Однако командир выровнял машину и повел волка, держа его перед дверцей...

Венечка стрелял трижды. Прыгающая внизу цель не ложилась в рамку. Однако после третьего выстрела волчара сунулся в сугроб, отметив красную черту, на этот раз своей кровью... Уйбача до визгивал от восторга. В нем проснулся мальчишка, которому повезло участвовать в редкой охоте, или он уже устал изображать взрослого.

Не мешкая Завьялов выбрал площадку недалеко от волка и посадил вертолет.

— Помогай, парены! — крикнул Веня мальчику. Он первым выбросился на снег, проверяя грунт под колесами... И мальчик подался следом.

Задыхаясь от ветра и снежной метелицы, что подняли винты, Веня и Уйбача протащили волка и дружно затолкали в салон. Этот волк и помирил Веню с гордым мальчишкой. Они уселись рядом, отпыхиваясь от напряженного труда... Уйбача бесстрашно придерживал волка за седой загривок. Было видно, что он привык помогать взрослым и законно гордился этим умением.

— Вот почему он такой гордый! — понял Веня с запоздалой догадливостью. Школьный ранец лежал рядом с окровавленной мордой волка.

Второго волка взяли через двенадцать минут после взлета. Хищник стлался вдоль распадка, уходя к лесотундре, где он хотел найти спасение. На этот раз приноровившийся стрелять Веня сунул волка в снег с первого выстрела...

Завьялов повеселел и пытался найти еще двоих беглецов. Но оба волка выскочили на раскопыченное дикими оленями пастбище, и следы потерялись...

Надо было возвращаться. Как-никак охота удалась... Рядом была граница заповедника. Волки, видно, ушли на заповедную территорию, где всякая охота, даже на волков, была запрещена... Они словно знали эту черту, за которой их не преследовали. Знали же они, как нужно закапываться в снег или становиться под дерево, спасаясь от вертолета...

Завьялов смотрел на белую тундру, мысленно составляя ра-

порт о проделанной работе. Сегодня удалось помочь сельскому хозяйству и дикой фауне, внести свой вклад в Продовольственную программу.

Он видел, как внизу бежали дикие олени. Завьялов летал над этими местами не один год. И не один раз видел осеннюю миграцию, когда тысячи оленей идут по тундре. И тундра дрожит от копыт... Теперь же олени возвращались мелкими партиями. Полярное солнце сияло над тундрой с бегущими оленями. Солнечные лучи, пройдя сквозь иллюминаторы, выплеснули вниз радугу. Это был редкий оптический эффект. Казалось, что олени растаскивают на своих рогах все цвета, отчего вот-вот начнет таять снег, который лежит в этих краях почти круглый год... И тут Завьялов увидел еще одного оленя. Этот не бежал, гордо подняв рога, как его собратья, а лежал неподвижно в снегу, будто был не оленем, а отпечатком его, негативным отображением, оттиском дикого животного. Рядом с мертвым оленем командир заметил что-то черное.

— Сэйгэн! — закричал Уйбача радостно.

— Росомаха! — объяснил Завьялов Вене.

Услышав приближающийся вертолет, черный сторож, пометь хоряка и медведя, отбежал, косолапо ковыляя, и закопался. Последний раз мелькнул черный хвост. И тут же ледяная поземка сровняла снежную дыру. Разве что пласт снега, что топорщился недалеко от оленя, указывал место, куда нырнул зверь...

И тут Уйбача по-мальчишески заверещал. И Завьялов сразу понял, что не росомаха тому виной. А в салоне — непорядок...

Командир глянул в салон и обомлел. Он увидел ожившего волка. Тот самый полярный волчище, которого затащили на борт первым, поднялся и оскалил окровавленные зубы-тесаки, готовясь к прыжку...

— Вот зараза! — ругнулся Венья и вскинул карабин. Молодой бортмеханик не ожидал от зверюги, которого он уже один раз убил, такой прыти...

— Р-ра-ра-ир-ра! — издал волк. Венья дернул затвором и загнал патрон...

— Не стреляй! — рявкнул Завьялов из кабины. Он ни на секунду не потерял самообладания и стал выбирать площадку,

куда можно аварийно опустить машину.— Постарайся не стрелять... Кругом — проводка...

И вправду, пуля вполне могла повредить проводку, а отрекошетив, натворить и больших бед.

— Ир-ра-р-р! — грозно рыкнул волк, готовый к прыжку. Ближе всего к нему сидел на корточках верещащий Уйбача.

Казалось, еще чуть-чуть — и волк полоснет его зубами. Но тут Уйбача разгогнулсЯ и метнул что-то блестящее. Это был охотничий нож. Прямо в горло волчиное воткнулся, перевернувшись всего один раз! Вот так Уйбача!

Веня, не растерявшись, прижал волка прикладом, чтобы придушить — но хищник уже испустил дух...

— Слушай, где ты так научился нож метать? — спросил Веня, убедившись, что волк уже не поднимется.

— В-в с-стаде п-поработаешь, и-научишься,— ответил Уйбача, слегка лязгнув зубами.

— Ну, ты даешь! — сказал Веня и вынул нож из волчиного горла, вытер лезвие о шкуру и уважительно протянул мальчику.

— Слушай, а что ты будешь делать, когда прилетим? В интернате же нельзя ножи держать...

— Закуркую, парень! — ответил Уйбача, успокаиваясь и настраиваясь на привычную тему.— У меня есть место — никто не найдет. А домой полечу, откопаю. В тундре без ножа нельзя...

— Согласен,— сказал Веня и спросил: — А учишься как? Ничего?

— Ничего,— протянул мальчик хрипловато.— Я ведь, парень, хочу в техникум... Бате помощник нужен. Ему без зоотехника худо. Вот я и учусь — моя бАтя еще бы сотню оленей взял в стадо, а зоотехника нет...

— Хорошие у тебя планы,— одобрил Веня и, взяв планшетку, стал заполнять маршрут на летной карте.

— Нормальные! — согласился Уйбача, посмотрев в иллюминатор.

От края и до края, насколько было видно в иллюминаторе, бежали дикие олени стада, поднимая на своих рогах весеннее полярное солнце.

ПЕРВЫЙ ФУТБОЛИСТ

Ветер гудел в штангах ворот, растягивал и надувал, как парус, сетку и нес со стороны трибун рокот болельщиков. В этом южном городе любили футбол. Играли давние и непримиримые соперники. Две лучшие команды города — обувной фабрики «Маяк» и автотранспортной конторы. Хотя счет равный, не исключено, что победят транспортники. Они активнее в нападении. В их команде радуется игра молодого футболиста Букина. Еще в первом тайме он забил два гола в ворота обувщиков. Потом игра сравнялась. А теперь приняла новый накал.

— Не водись! Больше с коллективом играй! — поучает капитан Гриша молодого футболиста.

— Хорошо, я тебе пасну! — отвечает Букин. Сева уважает Гришу. Это он принял Букина во взрослую команду, опекает его. Да и сам умеет играть, дать хороший пас, чтобы Букин пробил по воротам.

Обыграв приземистого обувщика, Букин вел мяч. Как огромный яркий фейерверк, клубилась, шумела праздничная толпа болельщиков. Казалось, что это праздник в честь его, Букина, еще недавно известного только среди школяров и пэтэушников, а ныне взрослого игрока... И Букину было легко, словно исполнилась мечта его жизни. Букин резко перевел мяч к центру на Гришу. Капитан ловко срезал щечкой, подал, как на тарелочке, левому крайнему.

— Дави сапожников!

— Ва-а! А-а-авай!

— Врежь им, водила! — пробился истошный голос старика таксиста, ревностного болельщика. — Пусть знают наших!

Левый крайний, рыхлый сорокалетний дядечка, неловко проволочил мяч по траве. Широко взмахнул ногой. Но по мячу промазал.

— А-а-а! — негодовал стадион.

— Застрелиться и не встать! — возмущался таксист. — Это же верняк был...

Букин огорченно махнул рукой. Если бы ему так перевели мяч, игру бы начали сейчас с центра. Букин не понимал, поче-

му этот пожилой дядечка надевал спортивную форму и бегал по полю с таким ожесточенным видом, будто пытался исправить какие-то тягостные неудачи своей жизни. Ну, перебирал бы моторы, учил бы ремонтному делу молодежь, пэтэушников, которых присылали ему на практику. Так нет — ему нужно футбольное поле.

Букин бывал в цехе, где работал этот дядечка. Там его уважали. Но на поле смеялись даже свои...

Мяч пошел в сторону команды транспортников. И Букину пришлось оттянуться. Он пробежал немного по травке, чувствуя, что весь стадион смотрит на него, любит его движениями. И Букин побежал еще пружинистее и красивее. Мимо промчался капитан Гриша, сверкнув злой улыбкой.

— Бука! В пас играй! Гол нужно забить! — крикнул он. И Букину передали мяч.

— Бу-ка! Да-вай! — заходился стадион.

— Покажи им, пэтэушник! — кричал таксист.

И тогда защитник, приземистый крепыш, набежал спереди и упал, не рассчитав движений и обманувшись неожиданным финтом. И Букин пронес мяч между чужих футболистов... Вратарь неуверенно метнулся вслед мячу. Было видно, что вратарь и сам понимает, что такие мячи не берутся. Прыгнул для очистки совести. Мяч зашуршал по сетке и медленно спустился вдоль штанги.

Обувщики надели, пытаясь отквитать гол. Однако каждая атака была все судорожнее и безуспешнее. И когда после передачи Букина Гриша забил еще гол, стало ясно, что кубок достанется команде шоферов.

Букин шел по центральной улице, белея шелковой рубашкой. Рубашка мягко стесняла тугие мускулы, напоминая о здоровье и силе. Хотя было темно, его узнавали.

— Здравствуй, Бука! — кричали ему.

И Букину было приятно вплотную, как свою рубаху, ощущать внимание людей.

— Букин... тот самый! — шептались девчонки.

И ему хотелось кричать, и плакать, и раствориться в лицах горожан, а еще лучше забить гол под верхнюю штангу! Чтобы

трибуны взвыли в дружном вопле! И аплодисменты поднялись бы над городом стаей и закружились бы над ним.

— Ага, уже зазнаваться стал! — Букин очутился в чьих-то объятиях, крутнул головой. И когда ему удалось хлебнуть воздуха, он узнал таксиста.

— Ага, уже друзей не узнаешь!

— Не надо! — отбивался Букин.

— Вот-вот! Зазнался, пэтэушник, а тебя учить и учить надо!

— Не зазнался я, — сопротивлялся Букин.

— Зазнался! — сказал таксист. — Это я знаю. Но ты скажи, кто тебя в люди вывел? Я тебя еще два года назад приметил, как ты пацаном футболил...

— Меня все замечали!

— Нет, не все... Я понял, что футболист растёт экстракласса! Только знаешь что — Гришке не верить. Думаешь, если он тебе помогает, ему верить можно? Гришка — жох. Скоро в Краснодар переберется... А работать не будет — какой из него работник! Хочёт всю жизнь мяч ногой катать...

— Ну, это его дело, кажется, — сказал Букин.

— Его-его! — согласился таксист, удерживая Букина. — Но он за собой и тебя потащит... Вот какой у него план! А тебе еще учиться надо. Профессию приобретать. А он из тебя уже супермента делает — застрелиться и не встать!

— Кто делает? — забормотал Букин. — У меня своя голова...

— Вот и живи своей головой... Красиво живи! Спорт — работа, работа — спорт... Это не каждый понимает. Вот я на Марухском перевале в футбол играл! Против нашего отряда «Эдельвейс» бросали... Отборные егеря... А у нас все спортсмены. Поиграем на снежку, да как начнем шкандыбать...

Старик явно хотел поделиться своими фронтовыми воспоминаниями.

— Честь героям! — сказал Букин, отрываясь от разошедшегося старика. — Я вас уважаю...

— Помни, что я тебе сказал! — кричал вдогонку таксист, и еще что-то восторженное и укоряющее, чего Букин не расслышал.

Букину было жалко таксиста. Потому что старик тоже, может быть, всю жизнь мечтал быть первым футболистом. Но у него ничего не получилось. Вот он и пристает ко всем со своими воспоминаниями... Букин спешил, едва успевая отвечать на приветствия, и думал о том, что эти знакомые и незнакомые люди, что приветствуют его — счастливый семьянин с белолицей женой и девочкой, державшей маму за подол, веселая компания курсантов, зубной врач, у которого Букин недавно лечил зубы,— все они мечтали быть таким, как он. Однако у них ничего не получилось.

А вот и левый крайний, коллега по команде. Мишей его, кажется, зовут. Как покровительственно улыбается он Букину.

— Как живешь, пэтэушник? — кричит он и шепчет на ухо что-то своей невесте. Букин вежливо раскланивается с Мишей и с его невестой. Наверное, она опять не пускала своего жениха на танцы. С тех пор, как Букин помнит себя, она всегда была невестой левого крайнего и не пускала его на танцы... Но Букину она улыбнулась. Вероятно, то, что сказал жених о Букине, было лестно и возвышало жениха в ее глазах. А ведь ее Миша тоже мечтал быть первым футболистом, а она невестой первого...

И, наверное, Севе нужно слегка презирать всю эту публику — несостоявшихся, неудачливых. Их жизнь заурядна и скучна. Да и без презрения не было бы полноты ощущения, что он первый...

На танцплощадке Букин увидел ребят из своего училища. Однако он к ним не подошел, а двинулся к своей команде.

— Бука явился! — заметил его Гриша, улыбаясь честной улыбкой местного сердцеда.

Рядом с ним стояла быстроглазая девушка. Она тоже смотрела на Букина ласково и с заинтересованностью. Вокруг Гриши всегда вертелись хорошенькие девочки.

— Вот он, наш знаменитый пэтэушник Сева! — представил он Букина девушке, которая мягко и безвольно пожала ему руку горячей ладошкой.

Потом Букин танцевал с ней. И футболисты степенно выдрючивались в брейк-дансе. Местные девчонки и приезжие, москвич-

ки и ленинградки, предпочитали танцевать с футболистами, в которых видели надежду и силу.

«У-у-у!» — стонала труба. Ей вторил тромбон. И тромбонист водил от себя и к себе какой-то загнутой штуковиной, похожей на спинку кровати.

«Да-вай! Да-вай!» — поддерживал другой инструмент. И Букину казалось, что он на футбольном поле. И это зрители кричат, подбадривают игроков.

— А сколько вам лет? — почтительно спросила девчушка.

— Шестнадцать! — сказал он. — Но я Букин!

А вокруг глазели на него, первого футболиста города. И над открытой танцплощадкой, которую называли «загоном», горели яркие южные звезды.

— А я тоже в ПТУ учусь, — сказала девчушка. — Только в обувном... У нас сейчас практика. Мы босоножки шьем...

— У нас тоже сейчас практика, — сказал Букин, — я буду автослесарем. Но в гараж сейчас не хожу... Гриша с мастером договорился, чтобы я тренировался... Я за взрослую команду играю...

— Я знаю, — сказала девчушка.

Через два дня была дружеская встреча с заводской командой соседнего города. Транспортники проиграли со счетом 1 : 3.

— Я тебе сколько раз внушал — играй с коллективом! — получал Севу левый крайний Миша. Лоб у него горел, будто ошпаренный потом. Лицо перекосилось. — Пасуйся! Ты что, один на поле?

— Да ладно! — огрызнулся Букин. Единственный гол, забитый в чужие ворота, был его, букинский.

— Чего ладно? С ним как с человеком! — обиделся Миша. — Другие за него горбатятся в цеху. Так он теперь думает, что и на поле будут горбатиться. А он будет голы забивать, как Пеле...

— Давайте, ребята, без скандалов! — вмешался капитан Гриша, дипломатично предупреждая те слова, которые может сказать команда.

— А поговорить надо! — все-таки прорвался голос. — Пацан действительно зазнается!

— Его как человека приняли во взрослую команду! Создали все условия, — сказал Миша.

И тут Букин разозлился:

— Тоже мне благодетели! В команду взяли! Условия создали! Да меня в любую команду возьмут... Я умею играть...

— Ну, в самом деле, ребята, — пытался утихомирить страсти капитан, — Сева — молодой игрок. А вы предъявляете к нему повышенные требования.

— Молодой, да ранний, — не унимался Миша. — Слышали — «я умею играть». А коллектив что? Уже не умеет? Наш коллектив только одних кубков семь штук завоевал... Заслуженным игрокам на пенсию уходить, раз Букин пришел?

Миша был обижен в лучших коллективистских чувствах. Весь горел от гнева и негодования...

Капитан догнал Букина у ворот стадиона. Обиженный Сева не обернулся.

— Ну что ты, в самом деле! Товарищеская встреча! Чего так волноваться? Проиграли, и бог с ним. Ты же забил... А с коллективом надо уметь жить...

— Кто твой коллектив? Этот Миша, который мяча боится? И он смеет меня учить? Меня? Букина!

Вечером Букин опять пошел в город. Огни парка светились ярко, приветствуя его, Букина... Вокруг сновал мелкий народ. Никому из них не стать первым. Никогда не ощутить под своей ногой тугой мяч, как свою судьбу...

— Привет, Сева, — заискивали они. Им льстило, когда Букин отвечал.

— А я тебя ищу, — громко сказал Гриша, отделившись от компании. — Ну, как? Поостыл немного? Ну и зол ты сегодня был!

— А с чего мне быть добрым? — ответил Букин.

— Да уж, конечно, с чего? Раз проиграли! — поспешно согласился Гриша. — Такая команда... Но тебе надо в какой-нибудь начинать? Пока заметят. Летом поедem в Краснодар. Вы-

играем, первые разряды обеспечены... А потом перейдем в другую команду... Думаешь, мне эта нравится? Мы с тобой рывок должны сделать. Футбол — игра профессионалов.

— Посмотрим! — сказал Букин.

— Условия пока подходящие, — сказал Гриша. — Тебе практику зачтут в училище... Я тоже устроился неплохо... Спортиструктором числюсь... А получаю как шофер первого класса. Потому что меня ценят... Пусть другие пашут, а я — футболист. Но мне мое отдай...

— Ага! — сказал Букин. — И я тоже футболист! Пусть и мне отдадут!

И Гриша решил, что Букин согласен с ним и с его планом жить легко и играючи.

Светку Букин нашел сразу. Она даже ни с кем не танцевала. Попробовала бы! Стояла в сторонке, смиренно дожидаясь Букина. Нижняя губенка у нее оттопырилась, когда она увидела Севу. Он степенно поздоровался с ней, побеседовал и стал танцевать. Букин танцевал с достоинством, сохраняя величие первого футболиста. Светка же танцевала увлеченно. Самозабвенно притопывала белыми туфельками. Щекоча и волнуя, песенка клокотала в ее горле. А Букин, держа партнершу в крепких руках, размышлял, почему ему так приятна ее хрупкость.

— Отчего ты грустный? — спросила она заискивающе. И Букин решил, что проводит ее в общежитие.

А ударник барабанил и барабанил. Бил в литавры. И кларнет тоненько и печально выводил звездную мелодию о нем, Букине. О его любви к заурядной девчонке, которая даже не умеет играть в футбол.

Букин забил свой гол в ворота противника. Он старался теперь не водиться и часто пасовал своим игрокам, чтобы его не могли упрекнуть.

Во втором тайме случилась еще одна голевая ситуация. Букин передал мяч Мише, которому очень хотелось отличиться. Левый крайний остановил мяч и махнул ногой. И тут же повалячи вскрикнул — промазал!

Невеста Миши рыдала. Она кричала, что судья судить не умеет, если на поле происходят такие безобразия: игроков ни за что калечат. Миша вывихнул ногу. Его нога вывернулась и лежала на траве, будто чужая... Миша с оцепенелой ненавистью следил потемневшими от боли глазами за Букиным, как будто Сева был виноват в его несчастиях...

— Расходитесь, граждане,— оттесняли дружинники набежавших болельщиков.

— Имейте совесть, не напирайте.

Однако толпа продолжала напирать, замороженная красным цветом повязок. Невеста осторожно придерживала голову жениха на своих коленях. На ее лице неожиданно проявилась такая скорбная нежность, что Букин даже удивился. Никогда Сева не видел на ее лице такой нежности.

— Тебе не жалко его? — спросила Света.— Давай присядем, поговорим!

Рядом, темнея на белом фоне стены общежития, стояла скамья. Выше над скамьей желтела медаль — табличка с номером дома.

— Нет,— сказал решительно Букин, усаживаясь рядом со Светой.— Мне таких не жалко... Зачем ему играть, если и так ясно, что из него ничего не получится. Чего он может добиться? А потом жалость — не для футболистов. Футбол — игра сильных. Вот мы с Гришей получим первые разряды, сразу перейдем в другую команду. Он мне предлагал... Ему скучно в нашем городе. И я тоже начинаю скучать...

— А как ты себе свою жизнь представляешь? — спросила, вдруг задумавшись, Светка.

— Буду играть! — сказал Букин.— Что же мне карбюраторы чинить?

Издалека доносился мотив джазовой мелодии. Южная ночь была жаркая. У Букина кружилась голова. Ему хотелось взять Светку за руку, но он не решался.

— А я босоножки люблю шить... А скоро научусь и сапоги с молнией! У человека должна быть любимая профессия...

— Моя профессия — футбол! Так и Гриша говорит...— ска-

вал Букин негодуяще, потому что так и не посмел взять Светку за руку.

— Ох-хохонюшки,— сказала Светка.— Уж лучше бы ты о Грише мне ничего не говорил. Я-то его раскусила...

— Как раскусила?

— А так,— сказала Светка.— Теперь я знаю, как он с девочками обращается...

— Как? — пересохшими губами спросил Букин, жалея, что не спросил об этом своего старшего друга.

— Грубиян, а притворяется благородным. Жалости ни к кому нет. Одно слово — футболист. Не сеют вас, не пашут...— сказала Светка.

— Что ты понимаешь в футболе? — вскипел Букин.— Все равно мы с Гришей первые...

— Первачи! — сказала Светка с издевкой.— Но уж лучше бы ты на практику вместе с товарищами ходил. А то развратит тебя Гришка. И пойдете вы по жизни с перекошенными мозгами...

И Светка решительно встала, чтобы уйти.

— Это у кого перекошены? — взвился Букин.— У меня, что ли?

— У тебя! — сказала Светка.— И у Гришки! Больше ко мне не подходи! Я тебе все сказала, головастик! Прощай!

— Чава-какава! — сказал Букин разгневанно и тоскливо посмотрел на медаль-табличку. Но когда Светка хлопнула дверью общежития, Сева сорвался со скамейки и побежал следом. Если бы Светка остановилась и пожелала выслушать, то он в этот момент пообещал бы, что бросит футбол на всю жизнь. Но она ушла. А Букин хотел ее видеть.

— Молодой человек! — сказала басом толстая и мускулистая вахтерша, приподнимаясь навстречу бегущему Севе.— Гостей уже не принимаем! Особенно опосля десяти часов! Завтра приходите с паспортом или удостоверением!

— Какой паспорт? Какое удостоверение? — возмутился Букин.— Меня все знают! Я — Букин! Мне надо!

— Меня тоже все знают. Я — тетя Поля. Могу и в милицию позвонить, раз надо...

— Пусти, тетя Поля, по-хорошему! — сказал Букин, оседая на вахтершу. — А то хуже будет!

— Ах, так! — тоже не на шутку рассердилась тетя Поля и, ухватив Букина поперек, поволокла к выходу. — Я таких букиных по сто выталкиваю за дежурство... Сказала — нельзя, значит — нельзя девушек беспокоить опосля десяти...

С этими словами она выбросила Севу на крыльцо. Никогда Букина не оскорбляли таким образом.

За окном общежития послышался девичий смех. Южная ночь окружила Букина. Светлячок, как случайная ракета, протек в сыром воздухе. Букин сел на скамью. Скамья была жесткая и неудобная.

На танцплощадке музыка еще не кончилась. Ударник бил оглушительно, будто букинское сердце, пережившее позор и насилие.

Завтра весь город будет знать, что его вышвырнули из девичьего общежития. И зачем он туда рвался? Что хотел сказать?

— А-а, мой крестничек! — завопил над ухом знакомый голос таксиста... — Так вот я тебе в прошлый раз не показал, как надо головой играть... Ты мало головой играешь. Только ногами. А головой можно такие мячи резать...

Таксист подбросил свою шляпу наподобие мяча и нетвердо покачнулся под ней. Шляпа упала на плечо, скатилась на асфальт. Таксист не успел боднуть ее головой, имитируя удар.

— Застрелиться и не встать! — сказал он. — Это я от усталости. Смена трудная была... А раньше получалось. Я тебя научу! Ба-а-а! Что за вид у тебя? Со Светкой поссорился?

Вот такие и разнесут. Все будут знать, что Букина вышибли из общежития и что Светка с ним разговаривать не хочет. Ведь он такая знаменитость... Тоска охватила Букина. И Севе захотелось стать незаметным пэтэушником, который в свободные вечера счастливо гоняет мяч со сверстниками.

— Ты куда? Постой! Я не успеваю! — застонал старичок, сясь догнать Букина. — Я хочу, чтобы ты стал настоящим футболистом...

— Да отстаньте вы все от меня! — ответил Букин и так трахнул консервную банку, попавшую под ногу, что жестянка со свистом перелетела стадионовский забор. Это был коронный букинский удар.

ГЛУХАРИНЫЕ МЕСТА

Вагончики стояли на тоненьких рельсах и казались игрушечными. И мотовоз, подцепивший вагончики, чтобы везти их в глубину тесовских болот, был совсем маленьким, детским. Будто в страну детства направлялся состав...

В накуренных вагончиках сидели мужики в бушлатах и телогрейках — вахта. Василий Петрович Терентьев, мой напарник по охоте, так хорошо рассчитал, что пришли мы к самому отходу вахты. Увидев нас с ружьями, мужики заулыбались, стали подходить здороваться с Василием Петровичем за руку. Его здесь знали и уважали. Еще бы, председатель поселкового охотколлектива. А на Тесово половина мужиков — охотники. Так что подходили с шутками, с подначками, как к своему.

— Петрович, никак собрался пустить пуха нашим глухарям?

— Постреляет дядя Вася из своей дудорги! Канаода как на войне будет...

— Привет защитникам природы! Эх, тяжело будет нынче черным петухам!

— Где уж нам! — отвечал Василий Петрович. — Небось и глухарей не осталось. Болота раскурочили. Спасу от вас нету...

— Мы от болота кормимся! — отвечали ребята. — Хочешь не хочешь, курочим. А глухарей мы твоих не трогаем — у нас целый птичник на двадцать девятом...

— Бережем для тебя!

— Знаю, как бережете! — отвечал Василий Петрович. — Просто вы глухарей за дичь не считаете. Вам бы медведя или лося завалить! Так, Гурков?

Гурков — молодой розовощекий парень с бедовым прищуром синих глаз, отвечал важно:

— Об этом знает только темная ночь!

— Ага, сам же и признался! — сказал Василий Петрович. — Доберусь я до тебя, Гурков! И ружье у тебя не зарегистрировано!

— Это какое? — спросил пытливо Гурков, не переставая улыбаться.

— А то, что ты у Скалоновой вдовы купил осенью, двадцать восьмого калибра...

— Эка, — сказал Гурков. — Зарегистрировал я ту фузею... Ребята подтвердят. Сначала не хотел, признаюсь... А потом, думаю, Василий Петрович все равно прознает и спросит. Так что я готовился ответить на этот вопрос...

— Ну, а по ночам все-таки что делаешь? — спросил Василий Петрович.

— Сплю, дядя Вася, сплю! — невинно отвечал Гурков под смех товарищей. — Без задних ног. Работа у нас больно тяжелая — торф добываем. Да и кто по ночам браконьерничает, подумай сам?

— А чего говорил тогда? — спросил Василий Петрович.

— А чтобы подразнить тебя маленько, — отвечал Гурков.

— Маленько можно, — миролюбиво согласился Василий Петрович. — А ежели не маленько, то лучше не надо...

Состав тронулся, задрожал на стыках. Вагончики зашатало, но они валко топали по рельсам, вызванивая и постукивая. К окнам вплотную подходили деревья. По стеклам барабанили распустившиеся ивовые почки, похожие на заячьи лапки. Пласти снега белели в глубине потеплевшего болотистого леса.

Василий Петрович, подзарядившись пилюлей — у него побаливало сердце, — уже рассказывал ребятам о войне. Стоило ему где-нибудь присесть и найти слушателей, он рассказывал фронтовые эпизоды. Василий Петрович прошел всю войну кадровым офицером. Ему есть что вспомнить.

— Почему мы не ждали войну? Говорили, что Гитлер застал нас врасплох... У нас полковник выступал в училище. И говорил, мол, ваше поколение будет героями. Подходит великая жатва. Намеками говорил. Но мы-то поняли. А потом ускоренный выпуск — сокращенная программа была. И уже в мае отправили в полки. Так что готовились... И попал я сразу под Мелихово. Бои там суровые были. Немцы мелиховскую гору нашкиговали

дзотами, пулеметными гнездами. И молотят оттуда. А мы наступали с низины. В день по нескольку атак было. Народу положено тьма... А приказ есть приказ — взять Мелихово. Вот мы всю зиму и брали, грудью ложились... Там меня и ранило. Помню, везли меня в повозке, а навстречу свежее пополнение. Молодые ребята. Кровь с молоком... У меня эти лица до сих пор в глазах стоят. Потом я узнал, что под Мелиховом отвлекающая операция была, чтобы оттянуть немецкую дивизию...

Ребята слушали Василия Петровича серьезно и строго. Среди них были и совсем юные. Для них рассказ о войне был подлиннее, чем в кино и книгах. Это был рассказ дяди Васи, которого здесь хорошо знали и любили.

Я слушал Василия Петровича и думал о том, как он организовывал охотничий заказник. До инфарктов доходило... А началось все с того, что Василий Петрович решил вместе с депутатами создать экологическую комиссию при поссовете. Начальство было категорически против. Областной зампред приезжал по этому поводу. Показывал списки возможных комиссий. Вот — по охране порядка. Вот — бытовая, вот — административная. Вот — коммунально-озеленительная. Хотите?

— Такие комиссии у нас в поселке есть, — отвечал Василий Петрович. — Но мы, депутаты, хотим понять, почему у нас клюква пропала. После войны по 500 тонн заготавливали на тесовских и лощицких мхах. Я сам тогда в райпо работал, знаю... Орехи из лещины мешками таскали — а сейчас? Где раки, рыба? Реки обмелели из-за мелиорации ненужной... Вот нам и требуется экологическая комиссия, чтобы охранять то, что еще осталось.

— Ну, что же с вами делать? Защищайте и охраняйте свои речки и болота! — согласился зампред, не ожидавший встретить в районном поселке такого могучего фанатика природы.

— За разрешение спасибо! — ответил Василий Петрович. — Только у нас в округе нет болот...

— А что же? — удивился зампред. — Я в машине ехал — вокруг болота...

— То, что вы болотами называете, — это мох. Исконно русское название. Даже в летописях старинных этим словом пользовались. Почитайте. Ипатьевские летописи...

— Спасибо, почитаю,— сказал зампред несколько обескураженно.

— А вообще-то мох — это зона биологической активности природы,— продолжал наставлять Василий Петрович.— А почему так? Потому что здесь влага, тепло, особый микроклимат. Где мох — там и грибы и ягоды, охота всякая... Вы приезжайте к нам осенью на охоту, я вас провожу по мхам...

— Спасибо! — сказал зампред.— Обязательно приеду...

И приезжал. И Василий Петрович водил его на лощицкий мох. Вместе с зампредом добивался, чтобы там заказник организовали... И зампред этот за сердце хватался не один раз. В Москве в каком-то кабинете уже решили этот мох на торф перевести, в плане уже стояли торфоразработки... Против плана даже зампреду и ученым людям, депутатам и общественности, что объединились в экологическую комиссию, не просто было выстоять.

Переночевали мы на торфоучастке, где работала смена. Там был небольшой вагончик, снятый с рельсов. В вагончике — теплая печка, лежанки, сколоченные из сосновых досок.

Еще не рассвело, а мы были уже на току.

— Вот здесь стой! — сказал Василий Петрович, поставив меня у корча, напоминавшего лося.— Скоро услышишь...

Напрягаясь, слушаю тишину леса, проглотившую шаги Василия Петровича. Где-то рядом сонно посвистывала пичужка. Она посвистывала сквозь сон, открывала глазок, словно размышляя, просыпаться ей или еще рано. И пикнув, снова погружалась в сон. Я стоял и думал: а вдруг глухарей здесь уже нет. Может быть, этот Гурков и разогнал их всех. Удобно ведь — глухариное место рядом. После работы пали себе вволю. Никаких запретов. Да и кому запрещать — товарищи не выдадут, тесняские мужики дружные... И зарегистрировать свое ружье Гурков не хотел, сам же сказал. И на лосей, видно, похаживает. Недаром его Василий Петрович критиковал. Хотя Василий Петрович — мягкий человек. Фронтвик, а мягкий. Ему бы охотничьи заказники вокруг организовывать. А надо воспитывать, закон применять, чтобы глухарей и другую дичь сохранить. Из-за бракошей

в наших местах глухаря не стало. Столько лет не открывалась охота. А вот открылась с разрешением добыть одного за утреннюю зарю, а их нет. Гурковы выбили... Так и думал. И вдруг над собой услышал как бы дедовское кряхтение и шорох. Это совсем недалеко. Где же он? Будет токовать или нет? Увидеть бы!

Через минуту глухарь зашевелился опять — до него было метров шестьдесят. Я уже определил и направление. Скорее бы затоквал! И тут глухарь шелкнул своим толстым клювом — ток-ток-ток!

Я притих, ожидая вторую часть песни — скры-скры-скры, когда глухарь теряет слух. Мальчишкой я добывал на Сахалине глухарей. Но там глухарь другой — каменный. Тот слух не теряет и поет по-другому, без скрыканья. Когда же этот запоет по-настоящему? Как полагается нормальному глухарю! И тут — ток-ток-ток — скры-скры-скры! И я успел передвинуться навстречу звукам, утопая по колено в сыром мху. Глухарь был уже совсем рядом. Но где он токовал? Я оглядывал деревья, но птицы не находил. Видно, глухарь крутил головой, выделявая свои коленца, отчего песня звучала со всех сторон. И вот, наконец, я рассмотрел силуэт, напоминающий большую птицу. Но это была ветка! Между сосновых веток наискосок темнела еще одна. А я чуть не принял ее за дичь... Я сделал еще два шага, напрягая зрение и пытаюсь установить, что же это такое. Тут ветка, на которую я смотрел, зашевелилась — и взлетела! Такой шум поднялся — на весь лес. Богатырская птица все-таки обманула меня, подпустив буквально на пятнадцать шагов... Какая неудача. Сам себе не поверил! Пока я досадовал и переживал, посветлело. Я стоял на краю леса, за которым была низинка с озерцом. Слышался посвист прилетевшей на утреннюю жировку утиной стайки. И тут раздалось еще: «Клинг-клинг-клинг»!

Это же медное солнце ударило своим отражением о поверхность озерца. То были журавли. Так они приветствовали весеннее утро.

«Клинг-клинг-клинг!» — били литавры на все тесовское болото. А когда журавли закончили свои победные кличи, я услы-

шал, что неподалеку токует глухарь. Совсем недалеко, на той же опушке, где я стоял, — только поближе к журавлям.

Этого певуна я скрадывал с особой осторожностью, подкакивая на мху и замирая, когда песня затихала. Вон он! На этот раз глухарь показался мне величиной с голубя-вяхиря. Это потому что сидел на высокой сосне. Он вытягивал шею навстречу солнцу и пел, в сущности, совсем не музыкально, но так естественно и гармонично. Видимо, токуя, глухарь все-таки заметил меня. Неожиданно смолк. Зашевелил головой, присматриваясь к елочке, за которой я укрылся. Вот-вот глухарь взлетит. Но я успеваю выстрелить. Черный петух кубарем, сшибая сучки, валится с дерева. Я бегу на звук падающего тела. Если подранок, успею подхватить, чтобы не убежал. Под сосной лежит недвижно богатырская птица, сложив крылья и не шевелясь... Поднимаю ее, чувствуя почти головокружение от счастья — надо же как повезло! Вдруг вижу, недалеко на елку уселась глухарка и смотрит на меня с укоризной, поквокивая, улетать не собирается... Удивительно красив глухарь, добытый мной. Еще красивее глухарка, сидящая на елке. Какой-то древностью веяло от нее. Вот они, птицы из сказки — богатырские птицы! Глухарка ничуть не боялась меня. Видно, знала, что я никогда не подниму на нее стволы. Поквокав и выразив возмущение, глухарка наконец поднялась на крыло. Где-то рядом токовал мошник, туда она и улетела.

— С полем! — говорит Василий Петрович, появившись неожиданно из-за елки.

— Взаимно! — говорю я, увидев у него за плечами черную птицу.

Выходим к тому корчу, где оставил меня Василий Петрович. Отсюда идет тропа на торфяные делянки. Оказывается, так близко от глухаринаго токовища — торфоразработки. Вот курятник-глухарятник! И словно отвечая на мои мысли, Василий Петрович говорит:

— Ребята глухарей не выбивают... В этом году глухарей не меньше, чем в прошлом... Берегут тесовцы. Лишнего не берут... — И спросил почему-то: — Программу двадцать седьмого съезда партии читал?

— Читал! — говорю я, удивленный вопросом.

— Обратил внимание на строчку — «шире использовать сопропель»?

— Ну да!

— А что такое сопропель, знаешь?

— Ил, — говорю я. — Озера илом зарастают, некому чистить...

— Так вот надо чистить! — говорит Василий Петрович. — И использовать сопропель... Поля подкармливать. А мы на торфяники набросились, а озера зарастают... Сопропель лучше. А то мы все мхи переведем. А это же золото — торф... Еще не все понимают. Сколько раз я писал — в самые высокие инстанции — насчет этого. Значит, прочли, если строчку в основополагающем документе поставили. Теперь надо воплощать! Сохраним и клюкву и глухарей, если по-хозяйски начнем работать.

Мы вышли на черную делянку, на краю которой огромным буртом лежал торф. Целое лето тесовские ребята скребут этот торф своей чудо-техникой, укладывают, вывозят. Тянется делянка к глухариным местам... А рядом — озеро квадратной формы. Здесь торф уже выбрали, котлован залило водой.

— Но торф еще в коровниках используют для подсыпки! — говорю я. — Сопропель вместо подстилки не годится.

— Вполне опилками можно обойтись! — говорит Василий Петрович. — Сколько опилок пропадает — ты поинтересуйся! Торфяники — это благополучие наших речек. Они, как губка, сохраняют влагу...

Василий Петрович посмотрел на неприглядное квадратное озеро и добавил:

— Карьеры после выработки тоже можно привести в божеский вид... Я уже поговорил с начальством. Здесь можно рыбу разводить. Надо дуплянок настроить — для гогаей... Карьеры — это такой резерв для воспроизводства. Нужно только охотничий заказник организовать. Думаю, Тесовским назвать...

— Нормально, — отвечаю я.

— Мне директор тесовский обещал помочь. И мужики помогут. Из них общественников наберу. Тогда все рядом будет — и глухари, и рябчики, морошка и клюква, рыба и утки... Чтобы все по-хозяйски.

Над Тесовским болотом поднималось весеннее солнце, высвечивая черные бурты и черное квадратное озеро, за которыми сразу начинались глухаринные места.

ФИМКА

В ту осень я работал в бригаде промысловиков, добывающих дикого северного оленя. Отстрел оленей в основном закончился. И мы готовили оленину к погрузке на вертолеты. Работа эта однообразная и утомительная. Развлекал нас только молоденький песец, которого у нас в бригаде прозвали Фимкой. Он или рано потерял мать, или был из самого позднего выводка, потому что не успел мало-мальски подрасти и набрать вес.

Своим видом полярный лисенок-доходяга напоминал облезлую кошку. Но нрав у него был веселый и находчивый. Ему ничего не стоило украсть кусочек требухи или печенки, до которой он был большой охотник. Так он у нас и кормился, появляясь у вертолетной площадки с раннего утра. Впрочем, мы подозревали, что он и ночует рядом с олениной. Однако не сердились на него, так как убыток от Фимки был небольшой, зато веселья много.

— Пришел? — кричали ребята, завидев своего любимца. — Ух ты какой!

— Их-хи-хи! — заливался смехом молоденький Гоша, глядя на облезлого, но трогательного щенка. — Не дам сегодня оленины! Почему мышей не ловишь? Почему иждивенцем стал?

Гоша только что окончил ПТУ в поселке Черском, где получил специальность охотника-вездеходчика. Это был его первый выезд на промысел. И он гордился тем, что самостоятельно зарабатывал на хлеб. К этому же он призывал и Фимку.

В ответ песец садился на задние лапы и издавал звуки, похожие на саркастический смех, переходящий в обиженный плач. Мол, чего ты сравниваешь меня с собой. Я — маленький и беззащитный. Живу один. А ты, здоровый балбес, не можешь понять этого.

Охотники смеялись, глядя на обиженного Фимку.

— Кушай, дорогой! — кричал ему наш бригадир Кеша и, отрезав печенки, бросал на снег.

Фимка, уткнувшись в угощение остренькой мордочкой, косился зеленым глазом на Гошу, не прощая ему упреков в иждивенчестве.

Наевшись, Фимка выбирал кусочки пожирнее и зарывал в снег. Но, подозрительно посмотрев на Гошу, выкапывал печенку и относил подальше. Гоша хохотал громче всех и, зажав нож в зубах, бежал за песцом, делая вид, что хочет отобрать печенку.

Так веселил нас этот рыженький щенок. Однажды за нами увязались ездовые собаки. Не успел я оглянуться, как рыжий и грудастый кобель по кличке Бамбек ринулся за Фимкой, который по своему обыкновению пришел к нам, чтобы позавтракать. Пес догонял маленького песца. Даже язык высунул от нетерпения и азарта. И справа и слева надвигались красные флажки собачьих языков, замыкая облаву. Это неслись сыновья Бамбека, такие же рыжие, грудастые, легкие на ногу. Я сорвал с плеча карабин, чтобы выстрелить в воздух.

— Тубо, Бамбек! — крикнул я что есть мочи...

— Не стреляй, — сказал Кеша. — Не догонят они Фимку... Дуркуют собаки... Фимка им даст продрогаться...

Казалось, еще минута, и дуркующие псы схватят полярного лисенка. И от него только клочки полетят. Но песец, вильнув тощим хвостом, кинулся прямо под ноги Бамбеку, юркнул и, не оглядываясь, помчался прочь. Псы, скользя и высекая белые искры когтями, как неумелые конькобежцы, неуклюже разворачивались на льду.

Будь это преследование на снегу, маленького беглеца давно бы растерзали. Но Фимка недаром выбрал замерзшую протоку. Он давал псам догнать себя. А потом легко, будто играючи, увертывался от преследователей.

Это были тренированные, отдохнувшие за лето ездовые собаки. Им ничего не стоило сделать переход с тяжело нагруженными нартами. Но тут они были явно слабее. Тощий Фимкин хвост развеивался как гордое знамя. А его преследователи падали на льду, визжали и грызли друг друга от злости.

Первым понял безнадежность погони Бамбек. Он вернулся, прихрамывая. Видимо, сорвал коготь, поскользнувшись на льду.

— Подурковал маленько? — спросил Кеша у этого недавно самоуверенного предводителя. Бамбек поморгал глазами, как бы говоря: виноват, обмишулился!

— Не на того нарвался! — объяснил ему Кеша под смех бригады. — Думаешь, если у него мамы нет, то его кушать можно? Это, брат, ты бы всех перекушал без соли. Скромнее надо быть! Понял? Это тебе мой совет на будущее!

Пес ушел, проглотив обиду. Угрюмо, будто побитое войско, ковыляли сыновья Бамбека за своим униженным предводителем.

А Фимка вскоре явился к нам, чтобы подзаправиться после веселой пробежки. Аппетит у него был отменный. Он с урчанием поедал свою любимую печенку, доверчиво поглядывая на бригаду зелеными глазами и даже чуть ли не подмигивая. Не намекал ли он на то, что это ледовое побоище устроил специально для нас? Так что кусочек печени — всего лишь небольшая плата за опасное представление.

Даже Гоша зауважал Фимку после такой победы и перестал обзывать иждивенцем.

Вечером мы получили радиограмму, что совхоз «Таймалырский» не выполнил плана по отстрелу оленя. Нам предлагалось помочь соседям. За нами выслали вертолет.

Утром следующего дня мы полетели на Гусиную протоку, где стояла бригада таймалырцев. Вернулись мы через две недели и спешно принялись доделывать свою работу, так как оленье мясо нужно было вывезти до наступления полярной ночи.

Как-то под утро я проснулся и подумал: а где же наш Фимка? Давно я с ним не встречался. Неужели его псы разорвали или затоптало стадо диких оленей?

Рядом храпел бригадир Кеша. Посапывал с присвистом молоденький Гоша. Он почти с головой завернулся в спальник из оленьих шкур и во сне казался совсем ребенком.

Вдруг я услышал повизгивание во дворе. Выглянул в ма-

ленькое, будто вертолетный иллюминатор, окошко и увидел в синих сумерках Фимку. Сначала я не узнал его. Я привык видеть Фимку в рыжем шутовском кафтанчике. А тут он надел на себя белоснежную царскую мантию, которая так и серебрилась в темноте. Но это был он, наш Фимка.

В новом одеянии Фимки были и лунный свет, и отблески северного сияния, и чистота первого снега. Вот тебе и Фимка, так прибарахлился! И я глазам своим не поверил: рядом с неузнаваемым Фимкой стоял грозный Бамбек и преданно глядел на гостя, виляя хвостом. Мало того что он вилял: кобель начал кататься на спине и всю дурковать, показывая, до чего же он рад видеть песца живым и невредимым. Бамбек словно забыл, что еще недавно злобно гнал Фимку по льду и хотел растерзать.

А рыжие сыновья Бамбека, раскрыв пасти с огромными кинжальными клыками, тоже помахивали хвостами, показывая полную расположенность к миляге Фимке. Покрасовавшись, Фимка помахал нам белоснежным хвостом и направился в тундру.

Кеша выскочил из балка, чтобы успокоить собак. Он опасался, как бы ездовые собаки не ушли вслед за Фимкой и не оставили нас без средств передвижения. Через минуту бригадир вернулся, держа что-то в руке и улыбаясь.

— Кто сказал, что Фимка мышей не ловит? Гляди, сколько он их к нашему порожку натаскал!

Крупные мыши, полярные лемминги, были не только в руке бригадира. Весь порожек был устлан их телами, будто ковром. Фимка приходил не только за тем, чтобы поиграть с собаками, покрасоваться в новой одежде. Это же он свое любимое угощение принес и к нашему порожку положил, чтобы показать, что он добро помнит и готов отплатить за него тем же.

— Такой не пропадет! — сказал Гоша. — Самостоятельный стал. Совсем как взрослый песец!

— Не пропадет! — подтвердил и наш бригадир, сияя хитрыми щелочками глаз. — Теперь не пропадет! Такой должен жить долго на радость всей тундре.

ЦЕЗАРЬ

Это была не собака, а стиральная доска — до того ребра выпирали. Уши чуть ли не до земли болтались, словно кобелек ими площадь привокзальную подметал. Хвост обрубленный, культячечный. Совсем не похож пес на тех собак, которых тьматьмущая у аэропортовского вокзала. Те хоть бездомные, а какую ни возьми — в ней есть кровь сибирских лаек. Пусть эта кровь перемешалась с кровью пуделей, мопсов, терьеров всех мастей, болонок, что потоком прошли через аэропорт со своими хозяевами да так и остались на привокзальной площади для укрепления местной породы бездомных собак. Несмотря на угнетенный вид и редкостную худобу, пес имел какую-то особую статью. Что-то в нем было. Светился весь, хоть масти был черной.

Сельянинов как увидел кобелька, так перестал жевать бутерброд.

— Что за царственная образина! — сказал он восхищенно. — Надо поглядеть на него поближе...

С этими словами он сунул рюкзак первому попавшемуся бородачу в телогрейке и зачарованно пошел за кобельком. Времени до вылета оставалось всего ничего, но у Сельянинова свой интерес в жизни... Очень он собак любил. Вот он и пошел. За ним гурьбой последовали псы, вожделенно внюживаясь. Но Петя ругнул их беззлобно, и они исчезли. Таких собак в его родной Хетте пруд пруди. Сельянинову был нужен бесхвостый кобель. И он нашел его среди складских помещений, что примыкали к привокзальной площади. Песик жадно грыз пустую кость. На скамеечке сидел усатый сторож с одностволкой на коленях и тоскующе глядел куда-то вдаль.

— Здорово, дедуля! — сказал Сельянинов, который был вообще-то воспитанным человеком.

— Здорово! — ответил дед безразлично.

— Эт-та... — сказал Петя. — Я хотел спросить, чья собачка? Сторожевать помогает? Собачка-собачка, хочешь бутерброд?

— Хочет! — сказал дед. — Видишь, как кость скоблит... А помогать мне нечего... Много таких помощников бегают... В скла-

дах гайки да болты и еще трубы буровые... Кто на них позарится...

— Пойнтер! — определил Петя, глядя, с какой жадностью поедает бутерброд вислоухий пес. — Как он сюда попал?

— Бросил какой-то референт! — ответил сторож.

Кобель, съев бутерброд, подошел к Пете совсем близко. Слюна вожжей свисала с его брылей. Видно, пес был совсем не против скушать хоть дюжину бутербродов.

— Да что за референт?

— Из министерства какой-то! — пояснил сторож. — Тут много разных приезжает... А собаки остаются... Так и маячат перед глазами...

— Ну, тогда я заберу вислоухого... Все меньше будет маячить...

— Бери! — равнодушно сказал сторож.

Петя не стал долго раздумывать, а, ухватив пса поперек, направился к воротам, что были распахнуты настежь...

— Фу-ты, забыл... — сказал Петя, оглянувшись. — Как его звать?

— Вроде Цезарь, — сказал дедуля, радуясь, что хотя бы одной собакой будет меньше. — Так говорили грузчики из пятого склада... Еще говорили, что она куличков гоняет, бекасов. Была бы путная, ее давно охотники прибрали бы...

— Проверим собачку! — сказал Петя. — Мне и такая пригодится... Имя тоже непростое — Цезарь...

На посадку Сельянинов успел едва-едва. Парень, что караулил рюкзак, исчез. Но Петя не стал печалиться из-за пропажи, ему бы лишь домой с кобельком добраться, в Хетту... Петра сначала не хотели на борт брать вместе с Цезарем. Спасибо, второй пилот оказался знакомым, так что удалось уговорить... А когда прорвался в салон со своим кобельком и сел на место, оказалось, что рядом — тот самый бородач. Он тоже в Хетту летел. А рюкзак Петин в руках держал и начинал уже беспокоиться... Бородачу тоже собачка понравилась, особенно шкура... Шерсть на Цезаре была черная. А вот подшерсток рыжий или даже огненный. Подшерсток светился сквозь черный волос, отчего шкура переливалась... Но вряд ли Цезарь выжил бы в аэро-

порту. Сибирский мороз раздевает не таких собак. А у этого кобелька никакого подкожного жира не было... Глаза у Цезаря — почти человеческие. Темные и с печалинкой на дне — с осадком обид, горя и одиночества, которого он с лихвой хлебнул, оставшись без хозяина.

Прилетев в Хетту, Сельянинов до отвала накормил Цезаря, а потом зачем-то остриг. То есть не совсем остриг, а слегка выстриг полосы на черной шерсти, так что огненный подшерсток засветился наружу полосами. Приметная получилась собачка...

— Теперь из тебя шапку не сошьют! — сказал Петя. — Видно, что есть хозяин...

И Цезарь понял, что так нужно. Он еще не знал, что в Хетте была мода на собачьи шапки. Молодые щеголи, строители газопровода, более всего любили теплый и надежный собачий мех и хвастались друг перед другом своими шапками... Мех на Цезаре был неглубокий, но зато расцветка необычная. Так что вполне могли позариться на Цезареву шкуру... И теперь Петр поставил на собачке свою метку и дал ей^Nправо на жизнь...

На усиленном питании Цезарь поправился за неделю. Он налился утраченными мускулами и силой. В нем ясно обозначилась древняя и могучая порода пойнтеров — охотничьих чутьистых собак, выведенных человеком не для баловства... Цезарь быстро познакомился и подружился со всеми местными лайками. Цезаря сразу зауважали — за хозяина. Петр работал на трассе бригадиром. А выше начальства здесь не бывало. Сельянинов никогда не махал руками, не повышал голоса, а его слушались...

Цезарь не был задирой. У него было внутреннее достоинство, которого не лишило его даже бродяжничество. А собаки умеют ценить достоинство и опыт жизни...

В то утро Петр не уехал на вонючем и дымном автобусе на трассу, куда уезжал каждый день, а, забросив за плечо ружье и взяв Цезаря на поводок, направился через поселок к ближайшему перелеску.

— Куда ты, Петр Игнатьевич? — кричали ему поселковские. — Неужели на охоту?

— Что же я зря его кормил! — отвечал Петр беззлобно. — Надо хоть поглядеть его в работе...

— Возьми лучше пару лаечек... Они тебе лося выгонят...

— На лося нужна лицензия! — отвечал Петр. — Я же размяться хочу. А кого будет гонять эта собачка — для меня еще загадка... Кто хочет отгадать — присоединяйся...

— Не хочется время терять! Мы лучше подождем! Больно загадочный у тебя пес!

Но Петр остановился и погладил на виду всего поселка Цезаря по холке. Вот какой хозяин у Цезаря! И пойнтер преданно крутил обрубок хвоста, показывая свою безмерную любовь. Цезарь был готов визжать и лаять от благодарности и доверия, которое выказал ему хозяин, хотя в душе удивлялся не меньше поселковских — ну какая может быть охота, если вокруг зима! Разве в снегу может быть болотная дичь? Конечно, нет. Это любой щенок, ни разу не ходивший на охоту, знает. Но Петр Игнатьевич, видно, не знал...

Однако как только хозяин спустил его с поводка, Цезарь пошел в поиск. Цезарь не скосил ни один угол. Наверное, геодезисты позавидовали бы такому ходу. Им и с теодолитом такое не прочертить. Никакого теодолита у Цезаря, конечно, не было. Зато были гены, которые и заставляли пойнтера чертить на снегу правильные зигзаги, среди которых не могла спрятаться ни одна птичка. Но нет же дупелей и бекасов! Зря только показывал свое искусство Цезарь. Вокруг только снега да редкие кусточки карликовой березы. И вдруг пес остановился как вкопанный. В нос ему ударил теплой струей запах дичи. Она была тут, рядом... Крупная птица сидела в пяти шагах от Цезаря, истекая сладким запахом... Другой бы пес не выдержал, попытался схватить ее зубами. Но не таков Цезарь. Он стоял, как велели ему те же гены, дрожа от азарта. Хозяин, скрипя снежком, подошел к Цезарю. Недоуменно поглядел в ту точку, куда напряженно смотрели глаза пойнтера. И вдруг догадался. Подняв ружье, сказал: «Пиль!»

Большая белая птица, величиной чуть ли не с курицу,

с треском поднялась из сугроба... Сельянинов повел стволами и выстрелил. Куропатка перевернулась и упала в кусты карликовой березы.

— Ну и царственная образина! — удивился хозяин работе Цезаря. Но пойнтер взвизгнул в ответ, давая понять, что еще не все.

— Ах, да! — вспомнил хозяин. — Принеси, Цезарь... Апорт!

Пес на рысях бросился по снегу и уже через минуту принес хозяину сладко пахнущую дичь. Куропатка была похожа на цветок из снега. Цезарь махал куцым хвостом, видя, как хозяин любуется дичью, будто никогда не добывал белых куропаток... Наверное, ни один еще в мире пойнтер не охотился в Заполярье на тундровых курочек. Цезарь был первым... И он был готов служить и здесь человеку так же преданно и добросовестно, как это делали отец и мать его, деды и прадеды, не подозревавшие, что где-то есть карликовые березы и белые птицы... На виду всего поселка Сельянинов охотился на куропаток. Дичи хватало. Хотя куропатки были потревожены местными охотниками, что распугали выводки еще по осени, тундровая курочка подпускала пойнтера, выдерживала стойку... Так что Сельянинов от души наслаждался работой пойнтера... Поселковские ребята, видя такое, выбежали на косогор. Кто же мог предположить, что Цезарь окажется таким молодцом.

— Гляди, какая стойка!

— Подает прямо в руки!

— Нет, наши лайки так по куропатке не работают...

И вправду это было редкое зрелище. И насчет лаек ребята правы. Лайки только распугивают куропаток. Редкая делает подобные стойки. Лайка — промысловая собака. Ей нужен лось, олень, соболь, куница... А это лицензионные звери. Конечно, некоторые ребята брали лицензии и договоры заключали. Но времени у строителей газопровода — в обрез. Не всякий выходной приходилось бывать дома.

Так что многие предпочитали любительскую охоту. И такую охоту они сейчас видели во всей красе...

Теперь почти каждое воскресенье Сельянинов с ребятами охотились на куропаток. И таких веселых охот в поселке еще

не видели! Проявился в Цезаре еще один талант. Он стал первоклассно гонять зайцев — почти как выжлец. Вообще-то страсть к зайцу у пойнтеров считается пороком. Такую легавую на выставку не возьмут. Но ребятам бы душу потешить с Цезарем, отдохнуть от напряженной работы. Так что гоняли зайцев чуть ли не всей бригадой, прямо в тех местах, где вели газопровод... Один заяц был до того хитрый! Как зачует, что Цезарь ему на хвост наступает, так обязательно в трубу газопровода заскочит. И начнет по трубам бегать, пока его ребята не поймают, отнесут подальше — и снова гонять! Тут и смех и веселье. После таких выходных в бригаде Сельянинова ни у кого не болела голова. Наоборот, сил прибавлялось...

Между прочим, после Нового года в поселке объявился прежний хозяин Цезаря. С министром прилетел в Хетту. Оказывается, он и вправду был референтом... Пришел этот референт к Сельянинову, говорит:

— Отдай Цезаря!

— Твоя собачка, что ли? — спросил Петр.

— Моя! — говорит. — Я ее на вокзале, в аэропорту, оставил...

— Ну, раз оставил, значит, уж не твоя! — ответил Петр. — Друзей не оставляют...

— Так получилось, — говорит референт. — Мне в Москву надо было, на совещание... А справка из ветлечебницы просрочена... На самолет Цезаря не пускали, без справки...

— А из Москвы как Цезаря привез? — спросил Петр.

— На самолете... со справкой...

— Цезарю не справка нужна, а хозяин... А если ты хозяин, то хоть пешком иди до Москвы со своей собакой... Между прочим, Цезарь бы не бросил, если бы такое дело... Верный пес...

— Я знаю, что верный, — сказал референт. — Он как увидел меня, так визжать стал. Помнит хозяина...

— Я еще не кончил, — сказал Петр. — Быть хозяином — это прежде всего чувствовать ответственность... А какой из тебя хозяин?

— Может, за деньги вернешь? — спросил референт. — Я не поскуплюсь...

Петр же сказал резко:

— Я тоже не поспежусь! Могу взять билет до Москвы через Австралию!

— А почему через Австралию? — спросил референт.

— А потому что там, говорят, водится дикая собака динго... Ей хозяин не нужен — она дикая... А нормальной собаке нужен друг... Понятно я говорю? Опять же насчет визга. Цезарь как увидел тебя, так со страху завизжал и убежал на трассу. Видеть не хочет такого хозяина...

Референт этот побежал своему министру жаловаться. Мол, украл собачку. Петю начальство вызывало... Но бригадир там резко ответил. Мол, о чем разговор? В моей работе брак нашли? Газопровод прохудился? Шов некачественно заварен? А собака — это дело мое, личное... Цезаря не отдам!

Увольнения Петр Игнатьевич не боялся. С его руками в любую контору примут. Да и бригада бы потянулась за бригадиром при таком повороте... Так что не отдали Цезаря. Уехал референт ни с чем. Зря только жаловался министру. Да и министр, разобравшись в чем дело, только посмеялся над своим референтом...

А Цезарь до сих пор живет в поселке строителей. Трассу газопровода в шесть рядов строят. Только одну нитку сдадут, другую начинают. Так что Сельянинову и его бригаде дел долго, не на один год. Работа у них напряженная... И каждый выходной бригада охотится на куропаток и зайцев. И эти выходные Цезарь превращает в праздники.

КОГДА НА ЗЕМЛЕ ЖИЛИ МАМОНТЫ..

Повесть

— Давай поженимся! — сказал Ваня Гудков. — Думаю, что уже пора...

— Вань! Кто же так объясняется, — сказала Оля. — Никакой романтики...

— А как надо? — спросил Ваня, грустно поглядывая на

окна молодежного общежития, где сейчас судачили, примеряли наряды, пили чай. Общежитие было девичье. В нем жила Оля, с которой Ваня мечтал создать семью.

— Надо вот так! — сказала Оля.

И Ваня увидел молодого джигита с букетом алых роз — на белом коне! Запела Алла Пугачева: «Миллион, миллион алых роз...» На всем скаку всадник спрыгивает с лошади — и протягивает Оле букет. Из окон, чуть не падая, свешиваются девицы. Они восхищены!

— Вот как надо, Ваня! — поучала девушка.

— И я бы так смог, если бы потренировался! — сказал Ваня, мысленно проиграв картину, которую нарисовала ему Оля.

— Где уж тебе! — с недоверием ответила она. — Ты же экспедитор, а не джигит...

— Да, — сказал Ваня. — Я вожу рыбу, мясо...

— А сам ты ни рыба ни мясо; — сказала Оля.

— А кто же я? — решил возмутиться Ваня.

— Экспедитор!

— Моя работа нужна людям! — гордо сказал Ваня.

— Нужна, — сказала Оля, сломав ветку сирени у крыльца. — Но уж очень неромантичная...

— Я к тебе на слоне приеду! — пробурчал Ваня.

Оля погладила Ваню по щеке веткой.

— Я тоже — романтик! — сказал Ваня, отстраняясь от цветочной ласки. — И природу люблю... Вот ты зря ветку сломала. Доставила природе боль!

— Извини, Ваня.

— Вот я никогда не ломаю зря сирени, — сказал Ваня. — Берегу и жалею все живое...

— Ты, Ваня, очень романтичен! — вздохнула Оля.

— Да! — сказал Ваня. — И работа у меня романтичная... — Он же уловил иронию в словах Оли. А взглянув на часы, продолжал: — Когда я еду в своем холодильнике — чем не романтика вокруг! Тайга знаешь какая! Речки и озера!

Оля довольно равнодушно кивнула белокурой головкой. Это она от своего Ванечки слышала. И уже не раз. Удивительно кра-

сивая была она сейчас! У Вани даже дух захватило — неужели эта девушка может стать его женой!

— Ну, ладно,— сказал он.— Мне пора. Проводишь?

— Провожу...

Одурманивающе пахло сиренью. Едва не задев крышу общежития, плыли над городом весенние облака.

— Любка! Брось-ка зонтик! — крикнула Оля, зная, что за ними наблюдают соседки по комнате.— Я Ваню провожу...

Будто чертик, в окне показалась румяная Любка. Рядом с ней мелькнули еще две головки.

— Сейчас-сейчас,— сказала Люба суетливо, стирая с губ непонимающую улыбку.— Что же вы так быстро... Поговорили бы!

— В рейс пора! — объяснил Ваня, ловя зонтик, выброшенный Любкой. Он поймал его и подал Оле с наименьшей ловкостью, чем воображаемый джигит воображаемый букет...

— Уж лучше бы ты на нашу ткацкую фабрику переходил! — сказала Люба.— А то доработаешься. Олю потеряешь. Думаешь, только ты ей в любви объясняешься?

— А кто еще? — спросил Ваня ревниво.

— Замнем для ясности! — ответила Люба, закрывая окно.

— Приеду, разберусь,— сказал Ваня,— кто еще с моей Олей объясняется...

Молодые люди шли по городу. Ваня, укрывая любимую зонтиком, продолжал убеждать:

— Меня на работе знаешь как уважают... Я любой компрессор могу отремонтировать. Надежный я человек. Начальство даже не опасается меня одного в рейс посылать. Вот у меня сейчас сменщик заболел, а я еду... А что будет, если компрессоры выбьет? Продукция у меня нежная — как бы убыток не случился!

— Ты убытку не допустишь! — сказала Оля.

— Будешь ждать?

— Я все обдумую, Ванечка! — сказала Оля.— Все так сложно...

— Жди! — приказал Ваня неуверенно.— Seriously тебе говорю...

— Я подумаю,— сказала Оля.— Знаешь что...

— Что? — спросил Ваня.

— Тобой Любаша интересуется... А Любаша — это клад не-открытый...

— Я тебя открыл! — сказал Ваня строго.— Так что ты думай!

— Думаю! — сказала Оля, искоса посмотрев на своего Ваню. Она смотрела на Ваню, а видела того джигита. Джигит был сейчас в форме капитана дальнего плавания. Светилось золото фуражки, словно солнце поднималось над морем. Оля смотрела зачарованно и с любовью — хотя ни моря, ни корабля поблизости не было... Но капитан-джигит стоял на трапе большого корабля, нежно махал Оле загорелой рукой...

Девушка вздохнула. Все-таки не похож ее Ванечка на такого красавца.

— Эх, Ваня! — вздохнула Оля.

У проходной в депо молодые люди попрощались. Ваня поцеловал Олю в щеку, потом долго смотрел, как она пересекает вокзальную площадь. Какая походка была у любимой!

Ваня вспоминал свою Олю, когда поезд увозил его из города. Рефрижератор стучал на стыках. Вокруг Вани качались окорока и колбасы, нежная продукция, которая была доверена ему. Ваня смотрел в окно, забранное поверх стекла решеткой и почему-то плакал. Впрочем, может быть, это не Ванины слезы текли, а весенний дождь, что струился по стеклу...

Но в дороге Ваня выспался, успокоился и уже на следующий день был на месте.

На конечной станции грузчики выносили ящики, окорока и колбасы, опорожня рефрижератор. Ваня был хозяином вагона-холодильника и был горд тем, что привез продукцию в целостности и сохранности.

— Последний? — спросил бородатый дядечка-кладовщик, которому Ваня сдавал продукцию.

— Кончаем! — сказал амбалыстый грузчик в фартуке.— Теперь мы с мясом будем... Спасибо Ване!

— Не ва что! — сказал Ваня. И спросил: — А что у вас с мясом, говорят, не очень хорошо?

— Кто тебе сказал? — ответил грузчик в фартуке. — С мясом хорошо, а без мяса худо... Пошли за мамаям!

— Тащите его! — приказал кладовщик. — А то уже залежался в холодильнике...

Грузчики, поправив ящики, ушли в морозильную камеру, у входа в которую, как привидение, клубился туман. Наконец из тумана вынырнули фигуры — грузчики тащили какую-то волосатую тушу.

— Клади на весы! — приказал кладовщик.

Ваня с удивлением смотрел на мамая — так называли тушу силачи. Волосатая громада была величиной с полуторагодовалого бычка.

— Кто это? — спросил Ваня.

— А-а, — сказал кладовщик, — геологи откопали где-то на речке...

— В вечной мерзлоте, — объяснил грузчик — амбал в фартуке.

— Вишь, сохранился как, — сказал тот, что был помоложе.

Ваня рассматривал неведомое мерзлое животное подробно и с любопытством. Никогда он такого не видел...

— Вроде как бы слон, — сказал он, — а не ма-май...

— Мамонт! — сказал грузчик-амбал. — По прозвищу Аян...

— Аян — по-якутски — речка, — объяснил молодой. — Вот так и прозвали... На речке же нашли...

— Нашим бы собачкам такого Аяна, — сказал кладовщик, почесав бороду.

— А почему я должен его везти! — сказал Ваня, почувяв недоброе. — Оставьте его вашим собачкам. И у вас с мясом плохо...

— Принимай согласно накладной! — сказал бородатый кладовщик. — Наше дело такое — сдал-принял... Принял-сдал... В городе ученые ждут этого мамая...

— У меня компрессоры выбивает! Я один без напарника езжу! — сказал Ваня. Очень ему не понравился этот мамонт. Оказывается, жили эти мамонты не только в книгах, которых Ваня прочел в своей жизни множество...

— Починишь! — сказал кладовщик и задумчиво добавил, глядя на мамонта: — Завидую я ему... Ученые будут смотреть из разных стран — в столицу попадет... А мне у весов всю жизнь куковать...

Грузчики ухватили мамонта, понесли в рефрижератор. А амбал запел:

Мамонтенок, мой чертенок,
только разница одна:
у чертей — скелетик тонок,
а у мамонта стена!

Молодой грузчик подпевал. Кладовщик грустно смотрел им вслед. Станция и пристанционный поселок, куда Ваня привез свой товар, были зажаты угрюмыми сопками. Даже не верилось, что среди них когда-то водились удивительные животные, одно из которых только что побывало на весах. Ваня тоскующе посмотрел на сопки. И вдруг ему показалось, что в одном из распадков кто-то крикнул — зовуще, протяжно.

— Кто это? — спросил Ваня, держа в руках врученную ему накладную.

— Мамонты кричат! — объяснил кладовщик. — Зовут кого-то...

— Они же вымерли! — сказал Ваня.

— Выходит, еще не все! — объяснил бородач. И Ване показалось на миг, что мамонты не вымерли, а кричат и зовут своего собрата из рефрижератора. Ване даже показалось, что из вагона раздался ответный зов. Хотя, может быть, это пели грузчики.

...Электровоз гудел на перегонах. Рефрижератор стучал на стыках. Ваня вез обратным рейсом Аяна, о котором он никогда не думал и не гадал. Но так уж получилось — загрузили ему в пустой вагон неведомое животное, вымершее тысячелетия назад, хотя, может быть, и не совсем.

— Аян-Аян! — сказал Ваня, погладив мертвого мамонтенка по густой шерсти.

Задремал Ваня под стук колес своего рефрижератора, ставшего ему родным домом. Приснилась ему Оля. Махала Оля плаetchком, звала его.

— Возвращайся, Ванечка,— говорила она.— Любить буду! Забудь обиды!

— Обид не помню! — отвечал Ваня во сне.— Жди, и я вернусь. И покажу тебе настоящего мамонтенка!

И Ваня погладил Аяна, предвкушая, как удивится его любимая, увидев такое чудо. Жаль, что Аян — не живой. А то бы можно было оседлать и показаться любимой верхом на мамонтенке. Это даже не слон, на котором грозился приехать он. Древняя штучка... Все подружки Оли обалдеют. А Оля поймет, что была не права. Даже мамонтенка оживил силой своей любви Ваня.

Сквозь сон увидел Ваня, что мамонтенок, покачившись на стеллаже, как бы пошевелил хоботом. Ваня открыл глаза и явственно увидел, что Аян ожил. Взаправду ожил. Поднявшись, осторожно ощупывал стену. И тут как бы плач раздался. Аян хотел кушать — такое у него было вполне земное желание после продолжительного сна.

— Проголодался? — спросил Ваня. Аян поморгал и потянулся к Ване. Ваня протянул ему булку с маслом. Аян зачавкал — угощение ему понравилось.

— Небось десять тысяч лет пролежишь в мерзлоте, аппетит накопишь! — сказал Ваня.— Кушай, дорогой Аян! Вот тебе молочка! Я пять бутылок взял — дорога длинная!

Аян жадно выпил молоко, пытался засунуть пустую бутылку себе в рот. Ваня отнял:

— Какой же ты неразумный! Бутылки не кушают. Они стеклянные.— Аян покачал лобастой головой, словно говоря — мало...

— Потерпи, Аян! — сказал Ваня,— скоро станция будет... Травы нарвем целый мешок, хлеба купим, сгущенки... Любишь сгущенку? Понравится тебе сгущенка, я знаю... На станции нас отоварят! Комбикормами разживемся...

Едва состав остановился на станции Беленькой, как Ваня стремглав помчался к продуктовому магазину, что был недалеко от вокзала. Но на двери магазина висел амбарный замок!

«Уехала на склад — за товаром»,— гласила записка. Что же

делать? Хотя бы несколько булок достать, одной травой Аяна не прокормишь... Ваня бросился к начальнику станции.

— Как это ожил? — спросил начальник станции Гусаров, двигая густыми бровями.

— Ожил, и все. Теперь кормить надо! — развел Ваня руками. — А магазин закрыт... Может, комбикормами поможете?..

— А чего ты вообще возишь? — спросил Гусаров бдительно.

— Мясо, колбасу! Все выгрузил согласно накладной, — объяснил честно Ваня.

— А от меня чего хочешь?

— Если можно, помогите с кормами! — еще раз объяснил Ваня. — Мамонтенка надо довести в целости и сохранности...

— А у тебя мясо не оживало? — спросил начальник.

— Нет.

— И колбаса?

— Тоже нет.

— А рыба?

— Рыбу я редко вожу, — сказал Ваня. — Правда, иногда хек без головы попадается...

— А у тебя у самого как с головой, в порядке? — спросил Гусаров.

— А у вас? — Это были роковые слова. Не нужно было Ване отвечать вопросом на вопрос.

— У меня-то все в порядке с головой! — взбеленился Гусаров. — А вот тебя надо проверить... Сейчас мы комиссию составим — проверим... Я уже сорок лет на станции тружусь. И такого случая не было, чтобы грузоместо ожило!

— Ожило грузоместо! — подтвердил Ваня. — Исключительный случай. А кормов нет!

— Поможем! — сказал Гусаров мстительно. — Поможем с кормами... — И стал набирать номер телефона.

— Кузин, вагон-рефрижератор отцепить! — дал команду начальник. — Пустите пятьсот шестой без рефрижератора.

— Сделаем! — услышал Ваня голос Кузина.

— Еще не все! — сказал начальник. — Проверим рефрижератор... Что-то там завелось. Будешь в составе комиссии. Найди Клюквину — от профсоюза она, других членов...

— А как же корма? — спросил Ваня.

— Комиссия вам поможет! — сказал Гусаров, сведа густые брови.— Идите и не волнуйтесь. Мы сделаем все, что в наших силах...

— А вагон зачем отцепили? — возмущался Ваня.

— Вы что, общественности не доверяете?

— Доверяю,— сказал Ваня.— Я к вам с открытой душой пришел — нет ли комбикорма... А вы сразу комиссию создаете... Это же редчайший в науке случай, чтобы мамоненок ожил...

— Комиссия разберется! — сказал начальник, глядя Ване в переносицу.

Комиссия пришла в вагон-рефрижератор скоро. Вместе с начальником станции Гусаровым были его помощники — составитель поездов Кузин, профсоюзный работник Клюквина, дружинник Хаджидаутов, санитарный врач Пушков.

— Так,— сказал Гусаров.— Ожил, значит?

— Ожил! — подтвердил Кузин, осматривая мамонтенка.

— Совсем как слон, только волосатый! — сказала Клюквина басом.

— Выращиваете в целях наживы? — спросил Хаджидаутов у Вани.

— Я жаловаться буду! — сказал Ваня, почуяв недоброе и закрывая мамонтенка своим телом.— Не имеете права!

— Он еще и кляузник,— сказал Гусаров.— Я же говорил... Возит в государственном рефрижераторе мамонта, выпрашивает корма, наживается на мамонтовом мясе! И куда жаловаться собрался?

— На мясе не наживаюсь! — сказал Ваня.— А жаловаться буду в горисполком! Общественность должна знать!

— И все-таки почему мамонтинка? — спросил Гусаров.

— Я всячески протестую! — сказал Ваня.— О моем протесте узнают!

— Успокойтесь, молодой человек! — сказал Хаджидаутов.— Ведите себя достойно... Корма выпрашивали?

— Хотел узнать о кормах,— сказал Ваня.

— Не узнать, а просили... Это уже статья готовая — по-

прошайничество. Вторая — бродяжничество в государственном вагоне! — сказал Хаджидаутов. Видно, он был большим законником.

— В акте нужно отметить антисанитарные условия! — сказал Пушкив.

— Значит так, акт составим! Мамонта — на мясокомбинат! Этого экспедитора — на проверку! Где живет, где прописан. Почему мамонтов возит?! — изрекал Гусаров.

— Не отдам я Аяна на мясокомбинат! — заорал Ваня что было мочи. — Лучше я умру, а не отдам... Не признаю я вашу комиссию!

— Приступайте! — сказал Гусаров, сдвинув густые брови.

Хаджидаутов выступил вперед, намереваясь ухватить мамонтенка за ухо, а Ваню за руку. Но мамоненок толкнул Хаджидаутова лбом. Дружинник едва не упал.

— Ой! — испугался Пушкив. — Это страшилище укусить может...

— Держи его! — дружно, но с опаской крикнули Кузин и Клюквина. Гусаров первым устремился в погоню за выскочившим из вагона Аяном. Ваня бежал следом, хотя и на некотором расстоянии от комиссии. О нем почему-то забыли... Аян бежал по железнодорожным путям — к лесу.

— Прекратите преследовать бедное животное! — крикнул Ваня со слезами на глазах. — Вы не комиссия, а настоящие браконьеры!

Аян ловко нырнул за вагон. Лес — близок. Еще рывок — и мамоненок мчится среди стволов. Преследователи потеряли его из виду. Гусаров обескураженно остановился, но, увидев Ваню, закричал:

— Хватайте этого!

— А мамонтенка? — спросил, задыхаясь, Хаджидаутов. — Это же вещественное доказательство...

— Не догнать! — объяснил Гусаров, вытирая пот.

— Но нам... никто не поверит, что мамоненок... ожил и убежал! — сказала Клюквина, сморкаясь в платочек. Видно, у нее был насморк. И бег за мамонтенком вовсе обессилил профсоюзного вожака.

— А был ли мамонтенок? — спросил Кузин. Он тоже устал от бега и хотел обсудить ситуацию спокойно.

— Ваня! — крикнул Гусаров. — Иди к нам!

— Зачем? — спросил Ваня из лесу.

— Будем новый акт составлять! — сказал начальник.

— Какой? — спросил Ваня.

— О пропаже ожившего мамонтенка! — сказал Гусаров. — Все распишемся...

— А куда же он делся? — спросил Ваня.

— Испарился, сам себя скушал из-за бескормицы, в лес убежал! Что хочешь напишем, — сказал Гусаров. — Тут есть мнение, а был ли вообще мамонтенок?

— Был! — сказал Ваня. — У меня накладная... Ожило грузоместо!

— Это ничего! — сказал Гусаров. — Бывает! Мы тебе корову купим! Я распорядюсь, чтобы вагон подцепили!

— Вес тот же! — сказал Хаджидаутов. — Сдашь, никто и не заметит, что корова...

— А рога? — спросил Ваня.

— Ну, есть же мамонты с рогами! — сказал Хаджидаутов.

— У нашего профсоюза есть деньги на корову! — сказала Клюквина.

— А как же антисанитария? — спросил Ваня, понимая, что комиссия хочет выманить его из леса. — Не положено мамонтов в рефрижераторах возить...

— Это же исключительный случай! — сказал Пушков. — Я как санитарный врач дам разрешение на антисанитарный провоз в закрытом вагоне до места следования...

— А кого везти? — спросил Ваня.

— Корову! — объяснила комиссия почти хором. — Корову мы тебе купим на средства профсоюза!

Где-то в глубине леса закричал Аян. Ваня сразу понял, что Аян зовет его, Ваню.

— Спасибо! — сказал Ваня, отступая за деревья. — Слишком вы щедры на профсоюзные деньги! Несерьезный вы народ! До свидания!

В лесу, хотя и незнакомом, Ваня был как у себя дома.

— Где ты, Аянушка? — крикнул Ваня. Но мамоненок молчал. И тут Ваня впервые испугался, что Аян пропал. Комиссия так его не напугала, как мысль о том, что он больше не увидит мамонтенка.

— Где ты, друг? — И тут Ваню окатили водой — будто из ведра. Оглянулся Ваня и увидел своего друга Аяна. Это он набрал полный хобот воды из весенней лужи и облил Ваню, охладил после пробежки...

— Ух ты! — сказал молодой человек. — Ты, оказывается, шутить любишь? — И Аян, прижмурив хитрый глаз, поднял хобот, как бы говоря: «Да, я люблю шутить...»

Но, между прочим, пора было бы и перекусить. С тех пор как Ваня и Аян разделили хлеб и молоко, они маковой росинки во рту не держали. Только где в лесу можно найти магазин, чтобы купить продуктов? И тут Ваня и Аян слышали рокот трактора. Ваня сразу понял, что это трелевочник. Там были люди. Наверное, лесники. Кому же еще работать в лесу? Хорошо, что не железнодорожники. Железнодорожникам Ваня теперь никогда доверять не будет. А лесники — это совсем другой народ...

Еще издали Ваня и Аян почуяли запах борща, каши и хлеба. Лесники садились обедать за широкий дощатый стол на краю поляны.

— Откуда ты такое чудо добыл?! — закричал молоденький парнишка в красной вязаной шапочке.

— Слон не слон, мохнатый! — сказал другой лесник с широким лицом.

— А хоботельник как у слона! — удивился еще один.

— Давай-давай к столу! Накормим и тебя и твоего слона! — пригласил парнишка в красной шапочке.

— Давай-давай! — сказали и другие.

— А чего это вы за стол приглашаете, а документов не спросили! — сказал лесник с широким лицом, видно, что бригадир. — Документы у вас есть?

— Наш бугор хочет узнать, не шпион ли вы? — перевел слова бригадира веселый парнишка в шапочке.

— Нет, ребята, — сказал честно Ваня, — мы — не шпионы...

Меня зовут Ваней, а его Аян. А из документов у нас одна накладная...

— Покажь! — сказал бдительный бригадир и стал изучать накладную, шевеля губами.

— Так, мамон-те-нок, — говорил он. — А-ян.

— А ты, Фёфёлов — тоже мамонт таежный! — сказал парнишка.

— А-я-ан! — закончил бригадир. Бригада хохотала над Фёфёловым.

— Не обращайтесь на него внимания! — сказал парнишка. — Наш Фёфёлов после войны на границе служил... Садись поближе, Ваня! А ты, Аян, подходи...

И Ване тут же вручили ложку. Аяна же стали кормить вареной картошкой. Тут Ваня и рассказал добрым людям свою грустную историю...

— ...Так получилось... Сначала не верили, что Аян ожил, — говорил Ваня, хлебая борщ, — и что я его сопровождаю... А потом создали комиссию и решили Аяна отправить на мясокомбинат.

— А тебя куда? — спросил парнишка в шапочке, работая ложкой, но не забывая слушать Ваню.

— А меня на проверку! — ответил Ваня, жуя и подкладывая Аяну куски хлеба. — Но мы с Аяном от них сбежали...

— Какое они имели право! — возмутился парнишка.

— Иди к прокурору!

— Прокурор им покажет! Это же произвол!

— Мы все подпишемся! — сказал бригадир Фёфёлов, потрясенный беззаконием. — Коллективную жалобу напишем — в защиту Аяна. Мы вас в обиду не дадим. Тем более у вас документ есть...

— Подпишемся! Чтобы и другим nepовaдно было! — сказали и другие ребята.

— Даже не верили, что мамонтенок может ожить, — говорил Ваня.

— А мы сразу поверили! — сказали лесники. — Что тут такого — воскрес значит воскрес... Такое уже бывало!

— А отчего они вымерли? — спросил бригадир Фёфёлов.

— От людей...— сказал Ваня.— И климат стал меняться... Не знаю, подойдет ли нынешний климат мамонтенку... Вот сколько лесов и тайги вырубил, а нужен кислород...

— Мы же сажаем! — сказали лесники.

— У нас как раз посадка идет. Садим лиственницу, кедр!

— Хочешь нам помочь? — спросил парень в красной шапочке.

— Хочу! — сказал Ваня.— Вместе с Аяном буду помогать! После обеда началась посадка. Трактора выкорчевывали пни, расчищали площадь для будущего рукотворного леса.

Мощный «Кировец» потащил лесопосадочную машину с дисками, похожую на обыкновенную сеялку... Будто зеленый ковер ткал молодой лесник в красной шапочке. Махал Ване и его мамонтенку рукой.

Ваня же запряг Аяна в лошадиные постромки с деревянной сажалкой, сделанной на лесосеке неведомым мастером. Кедровые саженцы нагрузил на спину Аяна.

И пошло дело!

Ваня сажал кедрач даже на крутизне сопки, куда не мог въехать трактор. Пусть везде будут леса.

Изредка Ваня доставал из кармана фото любимой Оли, смотрел, вздыхал, любовался... Знала бы Оля, каким благородным и романтическим трудом занят Ваня и как тоскует о ней!

Он представлял себе, как подъехал бы на Аяне верхом к девичьему общежитию. И все девчонки не отрываясь смотрели бы на Ваню и его друга Аяна. И Оля бы смотрела!

— Твой! — говорили бы девчонки.— Ишь чего придумал... Где только достал такого мохнатого слона!

— Мой достанет! — сказала бы Оля.— Он и не такое может учудить.

— Цоб-цобе! — говорил Ваня Аяну.— Давай-давай, Аянчик, мамонтовый мальчик! Цоб-цобе!

Что еще мог сказать Ваня неведомому животному, хозяином которого стал по прихоти судьбы. Аян слушался Ваню, пахал глубоко и не артачился, будто исконно был домашним животным...

— Надо идти дальше! — сказал Ваня своим новым друзьям. — Нас ждут... Я должен сдать Аяна согласно накладной!

— Если будут обижать, телеграмму дай... Мы сразу приедем! — сказал веселый парень в красной шапочке.

— А если хочешь, оставайся! — предложил бригадир Фёфёлов. — Будешь доволен и заработками и харчами!

— Ему нужно идти! — сказали другие лесники.

— Ну, тогда идите! — ответил Фёфёлов. — А мы будем сажать леса, чтобы климат стал лучше. И кислороду прибавилось. Усю землю засадим! И жизнь будет — умирать не надо!

— Ты, Ваня, постарайся Аяну пару найти! — сказал лесоруб в красной шапочке. — А то как же без невесты!

— А где же он найдет? — спросил недоверчиво Фёфёлов.

— Может, оживет еще какая девочка-мамонт, — сказал лесник в красной шапочке.

— Хорошо бы! — сказали другие.

— Найдем! — заверил Ваня, глубоко тронутый сочувствием бригады, которая полюбила и его, и Аяна. Попрощались Ваня и Аян с лесниками нежно, как с друзьями...

Долго ли, коротко ли ходил Ваня с Аяном по тайге, но услышал он впереди взрывы. И не только взрывы. Какая-то мощная техника работала невдалеке.

И тут они увидели, как экскаваторы грузят уголь в вагоны. Зачарованно смотрел Ваня на слаженную работу людей... Вдруг одна из платформ, нагруженных углем, задымилась! Это был настоящий пожар! Уголь горел сначала не сильно, но ветер раздувал огонь.

— Пожар! Пожар! — закричали люди.

— Опять уголек полыхнул!

Ваня и Аян с ходу включились в тушение пожара. Аян набрал в хобот воду из канавы резерва, что тянулась вдоль железнодорожной колеи, и выхлестывал ее в огонь... Скоро подъехала пожарная машина.

Как только люди закончили с огнем, сразу же окружили Аяна и Ваню.

— Ловко он своим хоботом! — сказал один курносый голубоглазый рабочий. — Как пожарным брандспойтом...

— А кто это?

— Слон не слон... А вроде похож на слона... Только даже мохнатый! — говорили другие.

— Забыли побрить слона, вот и зарос! — сказал курносый.

— А кто это? — спросили Ваню.

— Мамонтенок Аян! — ответил Ваня.

— Мамонтенок! — обрадовались люди. — Настоящий мамонтенок!

— Слушай, друг! — обратился к Ване закопченный пожарник с погонами капитана. Это был Корягин. Известный и смелый человек, потушивший немало пожаров. — Хотите у нас поработать?

— Спасибо, товарищ капитан! — сказал Ваня смущенно, глядя как молодые пожарники ласкают Аяна.

— Подумайте серьезно! — сказал Корягин. — Мамонтенка на довольствие поставим — по высшей категории... В зоопарках так не кормят, как мы будем кормить... И у нас коэффициент один к семи!

— Здорово! — сказал Ваня.

— Соглашайся! — сказали молодые пожарники. — Не пожалеешь... Работа творческая. Народ нас уважает...

— Я бы согласился, — сказал Ваня. — Но понимаете, нас ждут ученые... Это же редчайший случай, чтобы мамонтенок ожил... Ученые узнают, почему ожил. И других мамонтов будут оживлять!

— Хорошо было бы! — сказал капитан. — Надо такую породу вывести — пожарных мамонтов!

— Постараюсь передать ученым вашу просьбу! — сказал Ваня. — И спасибо вам за то, что вы сразу поверили в ожившего мамонтенка!

— А кто не верит?! — насупился капитан.

— Есть такие, — вздохнул Ваня.

— Пусть глаза разуют неверующие, — сказал капитан. — Ожил и помогает людям! Если надо, мы справку дадим, что он героически проявил себя в тушении пожара. А будет надо, за клевету в суд подадим — живой он!

— Живой! — подтвердили рядовые пожарники. — Живой, как мы!

— И будет жить и тушить пожары, а также делать другие добрые дела! — Это был глас народа. Других мнений не было. Да их и не должно было быть...

Откуда-то сбоку подскочил корреспондент-очкарик и стал фотографировать Ваню и его верного Аяна, окруженных народом. Ваня наслаждался славой. Никогда на него не обращали внимания. Не ласкали всенародно. Видела бы его Оля. Как бы она порадовалась за незаметного и скромного Ваню. Она бы тоже захотела попасть в кадр. И Ваня представил, как Оля фотографируется вместе с ним и Аяном. Как это было бы романтично!

Но Оля ждала его в городе. Там же ожидали прибытия Аяна ученые. Так что Ване и Аяну нужно отправляться в путь...

Ваню и его друга Аяна накормили в рабочей столовой, дали продуктов на дорогу столько, сколько мог унести Аян на своей мохнатой спине, а Ваня в рюкзаке.

Они шли по дорогам и бездорожью на юг.

Ване нравилось пешее путешествие, потому что по натуре он был странник. И ему нравилось идти с Аяном. Нравилось встречаться с людьми, мимо которых он раньше проезжал в своем холодильнике.

Когда они подошли к озеру, то услышали крик:

— Помогите!

Ваня и Аян увидели перевернутую лодку, девушку, что барахталась, не переставая кричать.

Ваня смело бросился в воду, полагая, что здесь глубоко. Но глубина была чуть выше пояса.

— Здесь же мелко, не бойтесь! — сказал Ваня, крепко ухватив девушку.

— Раз-ве? — удивилась незнакомка. И тут Аян ухватил незнакомку за талию, и девушка опять закричала и даже пыталась снова нырнуть или утонуть. Но Ваня удержал ее.

— На-вер-ное, я уже ут-он-ула! — сказала незнакомка, заикаясь от страха.

— Почему? — спросил Ваня спокойно.

— Это же водяной! — сказала незнакомка, показав на мамонтенка.

— Это мой лучший друг — Аян! — объяснил Ваня. — Просто он решил поддержать вас хоботом...

— Фу ты, какой волосатый! — сказала незнакомка. — Я его боюсь... Мне кажется, что я утонула — и встретилась с водяными и лешими...

— Я — Ваня! — сказал Ваня. — Не бойтесь меня!

— Я не боюсь! — сказала незнакомка. — Я знаю, что я на том свете... И друг у вас с того света...

— Вот это точно, — сказал Ваня, улыбнувшись. — Аян уже неделю с того света...

Девушка взвизгнула.

— Граница того и этого света такая размытая по нынешним временам! — объяснил Ваня.

— Что же вы туда и обратно ходите? — резонно задала вопрос девушка.

— Ходим туда-сюда, — сказал Ваня, — самоубийц спасаем. Вы нарочно решили утонуть в таком красивом месте?

— Нет, — сказала девушка. — Я лодку перевернула... А думала, что здесь глубоко...

— Утонуть здесь трудно... Даже если очень захочешь. А как вы в лодке оказались?

— Я — лимнолог! — сказала девушка. — Озеровед. У нас здесь приборы стоят. А я показания снимала. И вдруг лодка перевернулась... Спасибо, что вы меня спасли, а то бы утонула...

Девушку звали Валея. Она оказалась очень симпатичным человеком... Ване и Аяну она столько рассказала интересного!

Оказалось, что это красивое озеро уже через сто лет зарастет и превратится в болото. И чтобы продлить ему жизнь, его изучали молодые лимнологи, лагерь которых был неподалеку.

— Конкретно же я изучаю течения, складки дна, температуру, амплитуду весенних колебаний, — рассказывала Валея, помогая Ване и Аяну вести лодку по мелководью к лагерю. — Моя работа очень нравится...

— Вы должны спасти это голубое чудо! — воскликнул Ваня.

— Постараюсь! — сказала Валя.— Вы спасли меня, а я буду спасать озеро...

— И в итоге мы все спасемся! — сказал Ваня.— Такая у нас крепкая порука получается...

— Значит, вы тоже любите природу?

— Очень! — отвечал Ваня.— Правда, я работаю экспедитором — вожу мясо, колбасу, рыбу...

— Вы — симпатичный! — сказала Валя.

— А теперь я путешествую в целях экологии вместе с Аяном...

— Одобряю! — говорила Валя.— А вот и наш лагерь... Здесь вам будет интересно...

На берегу стояли палатки, дымил костер, брэнчала походная гитара...

Какой чудный день провели Ваня и его друг Аян в лагере лимнологов! Молодые ребята и девчата жили на берегу как большая дружная семья. В эту семью сразу приняли Ваню и Аяна. Девчонки украшали Аяна венками, ласкали и кормили сладкими булочками. А парни играли с ним в футбол. Стоило им крикнуть:

— Аянчик! Пошли поиграем! — И он тут же со всех ног бежал к воротам. Очень любил быть вратарем. Он ловил и отражал почти все мячи — хоботом, ногами, лбом, мохнатым туловищем. Но, играя, был очень справедлив.

А Ваня в это время помогал Вале мыть пробирки. И Валя говорила:

— Очень романтичное у вас лицо, Ваня, облик... К тому же вот мохнатый и милый мамонтенок!

— Я — обыкновенный человек! — отвечал Ваня, улыбаясь.

— Неправда! — сказала она.— Я никогда не встречала таких удивительных парней... Я всю жизнь ждала...

— У меня невеста. Олей звать,— отвечал Ваня.— Хотите, покажу фотографию.

Валя рассматривала фотографию, прищурившись.

— Красивая! — вздохнула она грустно.

— И очень добрая! Я о ней все время думаю,— сказал Ваня.

— Оля в городе, а я-то — зде-есь! — сказала Валя.— Зачем тебе куда-то идти, Ванюша!

— Аяна надо вести и сдать ученым! — сказал Ваня не совсем уверенно...

— Сдашь, Ваня,— проговорила Валя.— А пока живи у нас... У нас, видишь, люди добрые. Аяна твоего полюбили...

— Мне на добрых — просто везет! Но я встречал, Валя, и злых... Знаешь, какие злые бывают...

— Знаю! — сказала Валя, продолжая смотреть на фото Ваниной невесты с недобрым прищуром.

— Хотели Аяна — на мясокомбинат! — пожаловался Ваня и, взяв фото из Валиных рук, спрятал во внутренний карман.— А трудятся как все! И похожи на нас с тобой! Не всякий и заподозрит, что они злые! А я знаю! И от этого мне тяжело...

— Забудь о них...

— Как это забыть! А они других людей будут терзать! Еще кого-нибудь на мясокомбинат поволокнут... У них же права есть.

— Вот и оставайся, Ваня, с нами! — сказала Валя.— На лодке будем кататься золотисто-золотой...

— Я не против! — сказал Ваня.— Судьба озера волнует меня... Но долг обязывает. Сама понимаешь, Валя...

— Понимаю! — сказала Валя опечаленно. И, прильнув к Ване, поцеловала его.

— Люблю тебя, Ваня... Не похож ты ни на кого...

— Почему? — спросил Ваня, не в силах уклониться от Валиных поцелуев.

— Ну, похож немного знаешь на кого?

— На кого?

— На Санчо Пансу! — сказала Валя, обнимая.

— Это... который... с Дон-Кихотом бродил? Так... у того... осел был вроде...

— У него — ослик, а у тебя — мамонтенок! — убеждая, сказала Валя.

— Гол! — послышались крики за палаткой.— Го-о-ол!

И Валя закрыла полог палатки, чтобы крики футболистов не мешали ей разговаривать с Ваней...

Солнце золотило поверхность озера. Утренний ветерок колыхал пологи палаток. Вся экспедиция лимнологов провожала Ваню и его верного друга Аяна, собравшись у Валиной палатки.

— Меня Оля ждет! — сказал Ваня виновато.

— А если не ждет? — спросила Валя. — Ты об этом думал, Санчо Панса?

— Такого быть не может! — сказал Ваня. — Она же меня провожала. Просто она думает, что я неромантичный человек...

— А я так не думаю!

— Теперь она поймет, что была не права! — сказал Ваня.

— Теперь поймет!

— Ты прости, Валя, что так вышло, — сказал Ваня. — Я тебя не забуду...

— Миленький ты мой, возьми меня с собой! — запели ребята-лимнологи, лаская Аяна.

— Я тебе напишу! — сказал Ваня.

— Пиши!

Ваня и Аян уходили.

— Я люблю тебя, Ваня! — крикнула Валя.

Ваня шел по дороге, утирая слезы. Аян тоже грустил, но решил повернуть обратно. Но, понимая, что его ждут ученые, продолжал идти вперед.

Ваня и Аян вошли в село, что встало на их пути. Улицы его были запружены нарядным народом, который, видно, поджидал Ваню и Аяна. На площади стояли строем юные натуралисты, приветствуя Ваню и Аяна пионерским салютом. Рядом с ними волновалась молоденькая учительница. Председатель колхоза Михаил Иванович Агеев поднес Ване и Аяну хлеб и соль.

— С прибытием вас, так сказать! — проговорил он расстроганно. — Народ знал, что мимо нашего колхоза вы не пройдете...

Ваня смутился, погладив Аяна.

— Добрая худоба! — подбодрил его Агеев, имея в виду Аяна. — Нам бы таких хотя бы парочку в хозяйство!

Смущенный Ваня разломил хлеб, посолил, дал горбушку Аяну, вкусил сам. Народ ликовал. Начинался митинг, посвященный Ване и Аяну. Щелкали фотоаппараты корреспондентов. У трибуны стояла спецмашина телевизионщиков. Деловые ребята искали нужный ракурс для Вани и Аяна среди простых людей. И вот уже председатель поднимается на трибуну, чтобы сказать приветственную речь.

— Дорогие товарищи! — сказал он. — Позвольте от вашего, а так же своего личного имени поприветствовать дорогих гостей — Ваню и его доброго друга по прозвищу Аян... Настоящего самородного мамонта!

Бурные аплодисменты поднялись над селом. Народ искренне радовался речи председателя.

— Теперь, когда произошла смычка не только города с деревней, но и деревни со всей окружающей средой, не удивительно, что ожили мамонты... Осуществилась мечта поколений... Теперь наша жизнь будет еще краше и богаче. Мы прошли большой путь! Но сделать предстоит еще больше. Посмотрите на этого мамонтенка! Он еще молодой. Но по силе не уступит коню-тяжеловозу. А вырастет — будет сильнее трактора. И гюрючки ему не надо.

Три сеялки за собой потащит и засеет наши поля. Опять же, товарищи, проблема шерстистости! Сколько шерсти дает мамонт — столько не дает ни одна овца... Короче говоря, мамонты — это и тягло, и шерсть, и мясо, и молоко. И знаменитая мамонтовая кость, которая, как известно, идет в заграницу. А это уже валюта, товарищи! Я уже звонил в Чукотский автономный округ, чтобы нам командировали резчика. Каждый ребенок нашего колхоза будет мастерски резать мамонтовую кость! Скажем спасибо Ване за то, что он оживил и сохранил мамонтенка Аяна! Теперь дело за малым — создать полноценное стадо мамонтов. И тут мы поможем нашим ученым своим трудом и кормами! Правильно я сказал, товарищи?!

— Правильно! — зашумел народ.

— Здорово сказал!

— Ур-ра!

А какая-то старушка подошла к Ване и трижды поцеловала его. А мамонтенка осенила трехперстным крестом.

— Дети! Не обращайтесь внимание! — сказала антирелигиозным голосом молодая учительница биологии. — Еще раз поприветствуем Ваню и Аяна — салютом!

Ваню втащили на трибуну для ответного слова.

— Постараюсь... оправдать... ваше... доверие! — сказал Ваня, вконец засмуцавшись и готовый заплакать от волнения. — Я его доведу... и сдам ученым... согласно накладной!

— Мы верим тебе, Ваня!

— Такой доведет!

— Слава первому русскому мамонтоводу Ване Гудкову!

— Ура! — кричал народ. Очень нравился людям Ваня.

— Будете хорошо учиться и любить природу, станете как Ваня! — сказала учительница. — Хотите быть мамонтоводами?

— Хотим-хотим! — закричали дети.

— Аянчик, на конфетку!

— Возьми пряничек!

— Аянчик, миленький! — восхищались юннатовцы.

У магазина «Воды-соки» стояла длинная очередь. Но и она стала распадаться. Всем хотелось увидеть живого мамонтенка. Какой-то сомнительный дядечка с красным лицом подошел к Аяну, запев:

Мамонтеночек Аян
выпил целый океан,
апельсином закусил
и упал — не стало сил.

Мамонтеночек Аянчик,
поднеси-ка мне стаканчик!
Или рюмку поднеси,
как ведется на Руси!

И тогда учительница антиалкогольным голосом сказала:

— Дети! Не обращайтесь внимания! Еще раз поприветствуем Ваню и Аяна. — Дети поприветствовали, хотя у них было искушение поглядеть на веселого дядю, запевшего частушки.

Между тем председатель колхоза Агеев, обняв Ваню как дорогого гостя, вел его к накрытым столам.

— Дорога была у вас тяжелая! — говорил он, покручивая

усы.— Надо закусить и набраться сил... Соловья баснями не кормят...

Ваня не возражал. А Аяну навалили целую миску свежих помидоров и огурцов. Аян тут же приступил к трапезе, потому что любил овощи. Михаил Иванович налил Ване фужер и отметил:

— Вино безалкогольное... Специально к вашему прибытию цех безалкогольных напитков открыли...

— Одобряю! — говорил Ваня.— Мы с Аяном к алкоголю относимся отрицательно...

— И я отрицаю! — сказал Михаил Иванович.— Мы всем колхозом теперь отрицаем... Сознательные стали. Хотя есть, конечно, среди нас отдельные несознательные...

И председатель кивнул на частушечника, заливавшегося среди праздничного народа.

— Поет хорошо! — сказал Ваня.

— Подходяще! — подтвердил и председатель, радуясь, что даже последние колхозные гуляки нравятся гостю.

Между тем по областному телевидению началась прямая передача. Диктор, обаятельная девушка, очаровательным голосом вещала:

— Мы передаем репортаж из колхоза «Рассвет». Вы видите народный праздник по случаю воскрешения, то есть оживления мамонтенка... Его нашел в лесу Ваня Гудков, собирая грибы. Ваня — большой природолюб. Свободное время проводит на лоне природы... Грибы и ягоды были страстью Вани. Но он не подозревал, что в заброшенной пещере найдет вмерзшего в лед мамонтенка. Ване удалось вытащить древнее животное из пещеры. И тут произошло удивительное событие — мамонтенок ожил! Никакой мистики здесь нет и не может быть. Ученые утверждают, что на территории колхоза «Рассвет», где Ваня Гудков собирал грибы и ягоды, уже неоднократно бывали случаи воскрешения древних вымерших животных...

На этом дикторша закончила свою вводную часть. На экране телевизора долго показывали Ваню и его мамонтенка, а также народное гуляние по случаю воскрешения древних животных.

В это же время у телевизора в красном уголке девичьего общежития, у которого Ваня объяснялся в любви Оле, собрались девчонки. Разве они могли пропустить интересную передачу!

— Да это же Ваня Гудков! — обрадовалась Люба, глядя в экран.

— Где-где? — затараторили девчонки.

— Твой! — сказали они, удостоверившись, и посмотрели на Олю. Но Оля засомневалась:

— А с кем это он сидит? Девушка какая-то... — сказала она. Телевизор показывал плохо. И мамонтенка трудно было узнать.

— Что же девушка из таза помидоры да огурцы кушает!? — сказала Люба, приглядываясь.

— А может, Ване такие нравятся...

— Не теряется в командировках!

— Где-где?

— Да это же оживший мамонтенок. Дикторша только что рассказывала! — пояснила рыженькая девчонка в очках, которую уважали все подружки за рассудительность.

— Что же это Ваня вроде в командировку направился, а сам в лес по грибы-ягоды...

— Ты, Оля, с ним построже!

— Ох, и зазнается теперь! — сказала Любаша. — Это он с виду был такой скромный...

— За руку и в загс! — сказали девчонки.

— Так и сделаю! — решила Оля, рассматривая на экране Ванину внешность, а так же мохнатого мамонтенка Аяна, к которому чувствовала жгучую ревность...

А между тем Ваня Гудков давал интервью очкарику-корреспонденту. Выглядел Ваня самоуверенно. Бациллы зазнайства вошли в его простую душу. Ему хотелось всемирной славы. Ведь недаром в его честь устроили застолье, гулял народ...

— Да! Мы делаем с Аяном добро! — говорил Ваня, почесывая бок задремавшего мамонтенка. — Сначала мы сажали леса.

Для нынешних и будущих поколений! Потом я тушил составы с углем! Возглавить пожарную службу предлагали. Без меня им трудно... Я обещал подумать. Коэффициент и высокая зарплата меня не прельщает. А хочется делать добро!

— Ну а девушку как спасли? — спрашивал корреспондент, поправляя очки.

— А так же ловко! — объяснял Ваня. — Она кричит: — Спасите меня! Я бросаюсь в волны, тащу ее за волосы... Море бушевало в тот раз!

— Это же озеро было, — пробует возразить корреспондент.

— Возможно, — допустил Ваня. — Глубокое... Правда, сейчас зарастает. Я посоветовал очистить его. А то беда будет. Через сто лет зарастет и в болото превратится... К моим советам прислушивается мировая общественность.

— Спасибо, — сказал корреспондент, записывая. — Вернадский писал, что в настоящее время человечество формирует ноосферу, разумную сферу. По сути, начинается новая геологическая эра. Эра разумного человека...

— Именно разумного! — подчеркнул Ваня. — Это мы с Вернадским поняли, потому что другие ушами хлопали...

— Вы считаете себя учеником Вернадского?

— Это которого?

— Академика...

— Этот Вернадский мой ученик! — просто сказал Ваня. — Так и запишите... Пусть все знают...

— Но Вернадский умер, — сказал корреспондент. У него даже очки запотели от волнения, но он продолжал записывать. — Да и жил он раньше вас...

— Какая разница! Это я мамонтенка оживил, а не Вернадский... Я кого хочешь могу воскресить...

— Благодарю за интервью! — сказал корреспондент и пропал в народном карнавале, надев на себя маску вымершей когда-то древней птицы — птеродактиля. А к Ване и мамонтенку подсел саблезубый тигр, то есть не тигр, а восточного вида человек в маске тигра.

— А насчет академика ты загнул! — сказал восточный человек... — На понт взял...

— Ты эту феню брось! — сказал Ваня. — Какой у тебя ко мне разговор?

— Деловое предложение у меня, — сказал незнакомец.

— Только покороче...

— Можно и покороче... Продай Аянчика! Хорошие деньги дам!

— Чего? — спросил Ваня, набычившись. Мамонтенок забеспокоился, поднял хобот, обнюхивая незнакомца.

— Купишь себе дом в Гаграх, будешь всю жизнь как сыр в масле...

— А ты сам где живешь? — спросил Ваня.

— В Гаграх! Будем соседями! — сказал незнакомец. — Только мамонтенок мой будет...

— Ты меня заинтересовал чисто теоретически, — сказал Ваня. — А мамонтенка — на шашлык?

— Ну, зачем так грубо — на шашлык! — сказал горестно незнакомец. — Просто у меня все есть... Хочешь я тебе расскажу, что у меня есть?

— Расскажи!

И восточный человек стал рассказывать. А Ваня все шире раскрывал рот, слушая его. Дивные сады предстали перед взором Вани. Это была сказка. На деревьях росли диковинные цветы и плоды. Пели диковинные птицы. Павлины ходили, распутив роскошные хвосты. Ягуары, будто кошки, ласкались к коленям хозяина, выпрашивая ласки.

— А мамонта у меня нет! — сказал незнакомец опечаленно.

— А что ты с ним будешь делать? — спросил Ваня.

— Будет у меня в саду мандарины снимать!

— Потрясающе! — выдохнул Ваня.

— А ты будешь моим соседом, кунаком! — сказал Арчил. И Ваня увидел двухэтажный особняк с садом и птицами. А в саду — себя и Олю.

— Аянчик и у тебя будет в саду мандарины снимать! — сказал Арчил. — Мы же соседи будем.

— А как же накладная? Мне уже корову предлагали за Аяна...

— Накладную порви и подумай: то корова, а то особняк! — сказал Арчил. — У тебя уже все было — слава, почет, уважение. Но звездный час кончится! Что будешь делать? Квартиры у тебя нет!

— Я в общежитии живу, — пожаловался Ваня. — Ольга — в общегаге... Квартиру года через полтора получим, если поженимся...

— Я тебе не квартиру — особняк предлагаю! — сказал Арчил. — Подумай, Ваня!

— Я согласен! Ты настоящий друг! — сказал Ваня.

— Друг! — согласился Арчил, погладив Аянчика по шерсти. Аян издал звук совсем не дружеский и посмотрел Ване прямо в глаза. Как человек посмотрел, ей-богу...

— Возьми! — сказал Арчил, подавая Ване мешок. — Деньги — дело интимное, как сказал один хороший молодой писатель. Будем считать в интимном месте... Пошли! Бери своего Аяна!

— Твоего Аяна! — сказал Ваня. — Сделка состоялась!

Как можно незаметнее они покинули праздник. Арчил вывел Ваню и Аяна на железнодорожную колею среди складов. И тут Ваня увидел свой вагон-рефрижератор, брошенный на станции, где его преследовала комиссия. Вагон сиял свежей краской.

— Дарю! — сказал Арчил. — Как лучшему другу...

— Где достал?

— Купил! — просто объяснил Арчил. — У нас на родине говорят: боже, дай мне хорошего здоровья, а остальное я куплю...

— Ты купил для меня?

— Для тебя, друг! — сказал Арчил. — Влезай и считай деньги! Интимно считай!

— Сейчас-сейчас! — сказал Ваня. — Ты только, кунак, посади меня!

Аян с тревогой и грустью смотрел, как Арчил подсаживал Ваню в вагон.

— Можешь теперь до мозолей считать свой миллион! А мамонтенок теперь мой! — сказал Арчил.

— Твой! — откликнулся Ваня.

Он торопливо раскрыл мешок и увидел — покрашенные бу-

мажки, прикрытые настоящими ассигнациями. На бумажках были нарисованы бесы и голые девки. Ваня хотел повернуться к Арчилу и возмутиться. Но дверь захлопнулась. И Ваня услышал громкий хохот Арчила — демонический хохот и жалобный возглас Аяна, которого, по-видимому, связывали веревками. Не другом был Арчил, а настоящим врагом-искусителем.

— Помогите! — закричал Ваня. — Ограбили! Аян! Выручи!

Но Аян был уже связан. Да и как он мог помочь Ване, если Ваня продал его!

Ваня прильнул к решеткам. Стал ожесточенно дергать их. Но не вырвать, не расшатать!

Видел Ваня, как подъехала машина — КраЗ. Какие-то люди в масках бросили Аяна в парусину, положили в кузов. По-детски обиженно плакал Аян, звал на помощь...

— Аян! Аян! — кричал и плакал Ваня.

Но к решетке подошел Арчил. Вынул из нагрудного кармана пачку бумаг, сунул в лицо Ване:

— Вот тебе еще сто тысяч — за беспокойство!

Никогда Ваню не оскорбляли таким образом.

— Прощай, Ваня-кунак! — сказал Арчил. — И лучше не ищи меня и моего Аяна...

— Неужели шашлыки будешь делать?

— Захочу, буду, — ответил Арчил.

— Я тебя найду в Гаграх, в твоём саду! Арчил — нос мочил!

— Ищи в Гаграх, — сказал демон. — И не обзывайся... Не люблю я такого...

— Тебя милиция найдет! Или думаешь, что за фальшивые деньги можно все купить?!

— Что надо, я уже купил! А ты друга продал!

— Подлец! — закричал Ваня. — Помогите, люди!

Но гуляющий народ, увлеченный праздником, не слышал голоса Вани.

К полуночи Ваня сломал решетку и пришел в милицию.

— Посадите меня в тюрьму! — попросил Ваня молоденького и румяного дежурного, старшего лейтенанта милиции.

— Что случилось, гражданин? — спросил деловито лейтенант.

— Я продал друга...

— За сколько?

— За миллион! — сказал Ваня, доставая пачку Арчиловых денег.

— Так! — сказал лейтенант, рассматривая пачку, — Типичная кукла. Сверху — крупные купюры, в середине — хлам... А друг у вас кто?

— Мамонт, — сказал Ваня.

— Это про которого телевидение рассказывало? — не удивился милиционер. — Мамонтенок...

— Аян! — сказал Ваня горестно. — Я его продал... Только в тюрьме я найду душевный покой. Это будет суровое, но справедливое наказание...

— Суд разберется, — сказал старлей. — Вот вам бумага и ручка. Пишите, как было дело...

— Это Арчил... — сказал Ваня, — с сообщниками...

— Арчил? — задумался милиционер. — Знакомое имя... Тут у нас был гастролер... Пишите, как выглядел. Особые приметы и так далее... Что-нибудь из ценных вещей пропало?

— Нет, — сказал Ваня. — Наоборот, грабитель мне сначала вагон-рефрижератор подарил...

— Пишите подробно!

— Какие все-таки злые люди бывают! — сказал Ваня и заплакал. — Вагон подарил, а мамонтенка забрал. Он из Аянчика шашлыки хочет делать...

— Постараемся, чтобы не успел! — сказал старлей, разглядывая Ванины каракули. — Вызываю оперативную группу с собакой...

— Вызывайте! Вы его по запаху найдете!

— Кого! Мамонтенка?

— Арчила, — сказал Ваня. — От него шашлыками будет пахнуть...

— Так и пишите! — сказал старлей. — Особые приметы — пахнет шашлыками...

— Он запахнет, когда скушает Аяна, — объяснил Ваня. — А пока я не знаю, чем от него пахнет...

— Ну, чем-нибудь от него пахнет? — спросил дежурный деловито.

— Наверняка! — сказал Ваня.

— Значит, мы его найдем! — заверил милиционер. — По запаху, как вы сказали...

— Я готов выполнить любое задание! — сказал, плача, Ваня. — А потом пусть меня посадят в тюрьму. Я заслужил... Вот моя накладная. Я не выполнил служебного долга. Таким, как я, место в тюрьме. Снисхождения не может быть...

Через несколько минут милицейский «уазик» примчался на товарный тупик железнодорожной станции. Группа оперативников вместе с собакой и Ваней подбежали к вагону.

— Вот здесь было! — сказал Ваня. — А вот туда они уехали!

— Рекшан — след! — приказал верзилистый собаковод-оперативник овчарке. Пес тут же взял след и ходко потащил собаковод за собой. Остановился там, где грузили Аяна в машину.

— Я же говорил! — сказал Ваня. — Здесь мамонтенка бросили в КраЗ. Я запомнил марку машины... И увезли!

— Вперед! — сказал руководитель оперативной группы майор Сидоренко, один из лучших оперативников области. — Проверим все возможные направления машины с мамонтенком... Как его звали?

— Аян! — сказал Ваня и спросил. — А вы это... перекрыли дороги?

— Надежно! — сказал Сидоренко. — Ни одна машина с монмонтами не пройдет...

— Если у преступников машина сломалась, то мы можем их догнать! — сказал Ваня.

— Что же за преступники, если у них машина ломается! — возразил Сидоренко.

— А вдруг? — сказал Ваня. Он внимательно смотрел на проходящий транспорт, надеясь увидеть тот КраЗ.

— Сигма-сигма! Вызывает шестой! Вокзалы блокированы! — забубнил передатчик. — Какие новости?

— Новостей нет, — сказал Сидоренко, воловьим красивым глазом ощупывая проезжающие мимо машины. — Выполняйте блокировку!

— Есть! — сказал передатчик. И тут Ваня увидел КраЗ, он стоял на обочине дороги. В его кузове лежал запеленутый в брезент Аян.

— Стойте! — закричал Ваня. — Я знал, что у них машина сломается. Ах ты, Арчил — хвост намочил...

Оперативная машина резко причалила к передку КраЗа. Ваня выскочил из «уазика», опередив собаку и жожака. Вскрабкался в кузов. Резко стал разворачивать брезент... И тут он увидел голову племенного быка черно-пестрой породы.

— М-м-му-ы! — разгневался бык, рассматривая Ваню кровееющими глазами.

— Ух ты! — только и сказал Ваня и кубарем свалился на асфальт, так как бык вполне мог боднуть его.

— Шо так!?! — закричал мордастый шофер КраЗа. — Почему без санкции прокурора в кузов залез? Я бугая на ферму везу! Не понимаешь, что ли? На о-се-ме-не-ние!

— Понимаю! — сказал оробевший Ваня.

По областному телевидению очаровательная дикторша вещала.

— Дорогие товарищи! Просим извинить нас. В прошлой нашей передаче об ожившем мамонтенке Аяне и Ване Гудкове была допущена ошибка. Оказывается, Ваня действительно любит собирать ягоды и грибы. Но мамонтенка нашли геологи Якутского территориального управления. Ваня же работает экспедитором рефрижератора. Снабжает геологов мясом и колбасой. Геологи поручили Ване отвезти мамонтенка Аяна в научно-исследовательский институт, где его ждут ученые. Какова же была радость природолюбца Вани, когда мамоненок ожил. К сожалению, на Ваню и мамонтенка напали браконьеры. Браконьеры увели мамонтенка с собой. Дальнейшая его судьба неизвестна. Общественность, органы милиции и прокуратуры разыскивают браконьеров. Ваня принимает активное участие в розыске! Он жив и здоров!

— Здоровый он! — закричали девчонки у телевизора. — Не волнуйся, Оля, твой Ваня даже не ранен...

Оля, держась за левую сторону груди, с облегчением смотрела на экран.

— Ой, Ваня, как же ты меня напугал! — сказала она.

— Живой-живой!

— И мамоненок живой! Браконьеры не посмеют убить его!

— Тюрьмы бракошам не избежать! Лучше сразу сдаться властям!

— А Ванька, Ванька, слышали, не растерялся! Принимает активное участие...— сказала красавица Любаша.

— Ай да Ваня!

— Выходи за него замуж немедленно! — сказали девчонки.— За руку — и в загс!

— Да согласилась я давно! — сказала Оля плачущим голосом.

Между тем у стенда, объявлявшего о розыске бандита — браконьера Арчила, собрался народ. Под фотографией Арчила, сделанной фотороботом, помещался текст, который я хочу привести дословно. Вот что там было написано:

«Арчил Арчилович Арчилов. С 1953 года рождения. Ранее неоднократно судимый за мошенничество. Обманым путем входит в доверие граждан. Обещает особняки в курортных зонах страны и другие дефицитные вещи. Особые приметы: обижается на слова — Арчил нос мочил! Любит кушать шашлыки. Пахнет шашлыками. Главарь шайки».

Фоторобот так же выдал облики его сообщников. Под изображениями двух молодых людей неопределенной наружности разъяснительный текст.

«Гоги (Джаваров) и Шимпадзе (Мешков). Они выдают себя за шабашников. Тоже могут пахнуть шашлыками. Помогают Арчилу обманывать граждан. Мы будем благодарны каждому, кто сообщит о месте нахождения преступников, похитивших мамонтенка Аяна».

Фото Аяна, сделанное фотороботом, красовалось ниже.

— Ишь ты,— говорили люди, рассматривая физиономии преступников.— Арчилов — такой молодой, а уже бандит!

— А еще обижается, что нос мочил!

— А эти... сообщники! Гады! Праздник воскресения испортили народу...

— Ох, и будет им за нашего Аянчика! До конца жизни придется мамонтов выковыривать из вечной мерзлоты!

— И поделом!

— Скорее бы поймать!

— Поймают! — сказал Ваня уверенно, изучив плакат, и пошел на крыльцо милиции. В отделении Ваня был уже своим человеком. Поприветствовав дежурного пожатием руки, Ваня зашагал в знакомый кабинет, где проходило оперативное совещание. Сидоренко, увидев Ваню в дверях, кивнул ему, но продолжал объяснять с указкой в руках:

— Таким образом, все дороги вокруг кордона блокированы. По оперативным сведениям бандгруппа находится здесь. В двенадцать ноль-ноль начинаем операцию! Всем понятно, товарищи? Прошу соблюдать особые меры предосторожности в отношении Аяна, маленького мамонтенка! Он еще совсем ребенок!

— Понятно!

— Сработаем, товарищ Сидоренко, будь спокоен!

— Надеялись в лесу отсидеться! Не вышло!

— Общественность не дремлет!

— Как бы эти выродки Аянчика не скушали. Их главарь любит шашлыки, — беспокоились оперативники.

— Подавится Аянчиком! — сказал Ваня, надевая повязку дружинника. Ведь его тоже взяли на это опасное задание по освобождению четвероногого друга.

— С богом — по машинам! — сказал Сидоренко.

— А откуда узнали, что Арчилова банда на кордоне? — спросил Ваня, выходя вместе с оперативниками к машинам.

— Это наша профессиональная тайна! — ответил один из оперативников, совсем молоденький, даже моложе самого Вани.

— От нас мамонта не спрячешь! — сказал другой постарше. Милиционеры полюбили Ваню, но не желали открывать ему своих секретов.

Находился кордон в глубине леса, куда вела всего одна дорога, старая, заросшая. Но тем не менее по этой дороге

Арчиловы сообщники умудрились провезти КраЗ, который и стоял сейчас у крыльца лесниковой избы. К колесу машины был прикован тяжелой цепью Аян. Он стонал от боли и голода. Это был стон умирающего человека... Из сарая, дверь которого была на амбарном замке, тоже слышались стоны и вздохи. Там страдал молодой лесник Шукаев, которого бандиты заперли в этот сарай и не выпускали...

Не обращая внимания на стоны, мошенники выясняли отношения между собой. Арчил, Гоги и Мешков сидели за пустым кухонным столом и ругались. Внешне они мало отличались от той молодежи, которая стоит у станка или сидит на студенческой скамье. Молодые, крепкие, кровь с молоком... Но это были настоящие воры. И среди них не было согласия.

— Пойдешь, Гоги, в магазин? — спрашивал Арчил. — Я тебе приказываю...

— Куда идти, Арчил? Мы окружены. На дорогах оперативники! — плачущим голосом отвечал Гоги.

— Что же теперь с голоду помирать! — сказал Арчил. — Ни молока, ни хлеба, ни картошки... Ты, лесник, почему корову не держишь?

— Отпустите меня! — завыл лесник в сарае. — Когда мне было корову держать. За ней уход какой нужен!

— А где ты молоко брал? — спросил Мешков-Шимпадзе.

— Из города! — отвечал лесник.

— В город — за молоком! — возмутился Арчил. — Стыдно мне это слышать от жителя сельской местности... И за колбасой ездил?

— И за колбасой!

— И за картошкой? — спросил Арчил.

— И за ней, родимой! — отвечал лесник горестно.

— Я не пойму, лесник ты или не лесник? — спросил Арчил.

— Я — студент-заочник! — завыл лесник из сарая.

— А как же в лесу оказался? — спросил Арчил резонно.

— Не могу в общежитии жить. Мне чистый воздух нужен. А корову и другое хозяйство не мог держать — времени не было.

— Я гляжу, в сельской местности одни студенты-заочники живут! — сказал Арчил. — Если ни молока, ни картошки нет...

— Ку-са-ать хочется! — сказал Гоги. — Ой, как хочется...

— Кишка кишке похоронный марш трубит! — сказал Мешков, толстый, но мускулистый парень.

— Да замолчи ты! — заорал Арчил.

Но соратники не испугались крика, а принялись обличать атамана.

— Все ты, Арчил! Втравил нас в эту историю! — сказал Мешков. — Теперь даже в столовую не сходишь...

— Вагон украли, машину украли, мамонта украли — а в кармане ни шиша! — сказал Гоги плаксивым голосом. Он был вообще плаксивый и тощий. — Пусть меня арестуют! Менты хоть супчику дадут!

— От горячего супчика я бы не отказался! — сказал Мешков. — Какие супчики в Майкопском изоляторе давали...

— В Баку тоже хорошо кормят! — сказал Гоги. — Сидишь на нарах, а тебе несут харчей на тридцать семь народных копеек. Каждый день... Ты — нужен людям...

— Прекратите! — заорал атаман.

— Чего ты на нас кричишь? — обиделся Гоги.

— Не кормишь, а понукаешь! — сказал Мешков. — Арчил — нос мочил!

— Ты, Арчил, почему Фрейда не признаешь?

— Фрейд бы удивился, если бы ему нашего Арчила показали! — сказал глубокомысленно Мешков. — Столько комплексов... Прямо находка для Фрейда...

— Находка! — подтвердил Гоги.

— Прекратите! — заорал Арчил, тараща восточные глаза.

Однако товарищи не испугались, а решили привлечь к спору лесника.

— Слышь, студент, — сказал Мешков. — А как ты понимаешь вытеснение по Фрейду?

— Да, как? — спросил Гоги.

В сарае заворочался лесник-заочник. Видно, тема его заинтересовала.

— Я думаю... — начал он.

— Вот что! — прервал его Арчил. — Когда я взял вас, умников, на дело, вы про своего кореша Фрейда не рассказывали...

Теперь хотите его в долю взять? Да кто вы есть без меня! Вот ты, Гоги, кто?

— Я студент-заочник! — пояснил Гоги. — Просто меня увлекла воровская романтика, и я с тобой, бездарь, связался...

— Так! — грозно сказал Арчил. — А ты, Мешков, где учился, пока не увлекся...

— На филологическом, — рек Мешков. — Я романо-германские языки изучал... У нас декан Лиханцев, академик, слышали небось? Мы к нему с ребятами пришли. А у него ковер на стене... Велено, говорим, почистить! Комендант приказал... Так этот Лиханцев тибетский ковер сам помогал вынести из университета... Ох и погуляли мы на этот ковер — сациви, шашлык! Приятно вспомнить!

— Ну а как же вас повязали? — спросил Гоги, глотая слюну.

— Узнал меня Лиханцев! — сказал Мешков. — Когда я ему зачет сдавал...

— Не живи, где воруешь! Не воруй, где живешь! — настоятельно сказал Арчил.

— А Лиханцев — добрый мужик! — продолжал Мешков. — Он мне письма в колонию писал... Спрашивал: как живешь? Не нужна ли помощь? Про ковер — ни гу-гу! А ковер — дорогой. Тибетский лама его своими руками всю жизнь ткал.

— Болваны! — закричал Арчил. — А еще в ниверситете учились... Такой ковер миллион стоит. А вы — проели-пропили!

— Молодость-молодость, ветерок в голове! — сказал Мешков.

— А мамоненок дороже ковра? — спросил Гоги, прислушиваясь к стонам Аяна.

— Мой дядя в Махачкале за него пять миллионов бы дал! — сказал Арчил. — У моего дяди — сад мандариновый, райские птицы... А вот мамонта нет...

— И не будет! — сказал Мешков. — Мы с голоду помрем. И об этом не узнает твой дядя...

— Ой, как есть хочется! — сказал Мешков.

— Скоро помру! — сказал Гоги. — Так ты говоришь, сациви кушал?

— И сациви, и шашлыки — в голодные студенческие годы! — сказал Мешков.

— А где мой нож? — заорал Арчил. — Я спрашиваю, где мой нож?!

— Что хочешь делать ножом? — спросил Мешков.

— Ах, вот он! — нашел за поясом свой нож Арчил. Вынув его, подбежал к Аяну.

— Что надумал! — крикнул Мешков. — Брось!

Гоги застыл на месте. Лесник-студент притих за дверью, не шевелясь.

— Шашлык будем делать, сациви! — закричал Арчил. — Как говорил мой дядя, пусть лучше я умру сытым, чем голодным.

— Ты с ума сошел! Это же пять миллионов! — сказал Гоги.

— Пять! — показал пальцы Мешков.

— А как же те менты, что на дорогах? — спросил Арчил, сомневаясь.

— Когда-нибудь уйдут! — сказал Мешков. — Еще две недели не покушаем, и милиционеры уйдут...

— На дорогах не только менты-тихуши, но и общественность, — сказал Гоги. — Я видел...

— Каких-нибудь две недели потерпеть! — сказал Мешков. — Зато какой заработок! Если пять миллионов поровну разделим... Это даже не тибетский ковер...

— Чтобы я две недели голодный сидел! — закричал Арчил, приступая к мамонтенку, что едва не заблеял от страха, звеня цепями. Еще секунда, и Арчил бы вонзил нож!

Но тут со всех сторон выскочили оперативники. Сидоренко ловким приемом выбил нож из рук Арчила... Мешков, увидев это, оправдывая кличку, ловко полез на дерево. Но не менее ловкий молодой оперативник ухватил Мешкова за ногу и стащил, заломав ему руку. Гоги спрятался за колесо украденного грузовика. Но оттуда его вытащили опытные оперативники. Другие милиционеры уже разбивали замок на дверях сарая, чтобы освободить лесника-заочника Шукаева.

Ваня обнимал мамонтенка.

— Аянчик! Дорогой! Как же ты отощал? А ведь у меня в накладной твой вес указан...

Но оперативники помогли Ване с кормами для Аяна, посадили Ваню и мамонтенка в вагон-рефрижератор.

— Сена и комбикормов на всю дорогу хватит! — сказал Сидоренко. — Так что довезешь, Ваня, своего мамонтенка...

— Теперь довезу! — сказал Ваня, оглядывая вагон. — Вы так здорово оборудовали — ни одна санитарная комиссия не придерется!

— Мои ребята постарались! — сказал Сидоренко, лукаво блестя воловьими красивыми глазами. — Они все параграфы перевозок знают.

— Спасибо! — сказал Ваня.

— Привет!

— Счастливого пути!

— Будешь в наших краях, наведайся! — кричали ему оперативники, которые стали Ваниными друзьями.

— Не гуляй больше на праздниках! — сказал Сидоренко. — Запомни, скромность украшает человека, особенно в незнакомом месте...

— Гуляй, но с умом!

— И дружков умей выбирать!

— Береги Аяна!

— Постарайся найти ему пару — слонику в зоопарке! — напутствовали новые друзья.

— Спасибо, постараюсь! — ответил Ваня, утирая глаза. — До свидания!

Состав тронулся. Ваня и Аян долго махали товарищам. Ваня — фуражечкой, мамонтенок — хоботом...

Гудков погладил Аяна и представил, как привезет Аяна ученым и пойдет с ними в зоопарк, где живет семья слонов. Там будут юные очаровательные слоники — под стать Аяну. Слоники примут Аяна как родного. Словно десять тысяч лет ожидали его. И Аян пришел. И наступит праздник.

— Иди сюда! — скажет Ваня своей Оле.

— Иду! — скажет Оля.

И вот Ваня сажает Олю на юную слониху, а сам садится на Аяна, и они едут по дорожкам зоопарка. Разве от этого сможет отказаться Оля, простодушно вспоминая свое увлечение джигитом, который так похож на Арчила. Человека, которого разыскивал

угрозыск и который сделал столько зла Ване... Ах, Арчил, Арчил!

Сколько в стране таких арчилов, которые мечтают продать ожившего мамонтенка своему дяде или жарить мамонтовые шашлыки!

Ване так мучительно стало жалко всех арчилов и злых людей, которые встречались на его пути, что он проснулся... От жалости проснулся. Ведь то, что здесь произошло, было всего лишь сном Вани Гудкова, лишь взмахом ресниц, как говорил один восточный мудрец в древности...

Но Аян был здесь. В секции на стеллаже лежал мамонте-нок, едва шевеля хоботом...

Так что Ваня благополучно довез Аяна и сдал его согласно накладной, со слезами сдал, удивив грузчиков, кладовщика и молодого уполномоченного из научно-исследовательского института, что приехал за мамонтенком.

— Прощай, Аянчик, моя сказка! — сказал Ваня и вышел из кладовой, где на весах лежал мохнатый и дорогой для него мамонтенок...

У ворот депо Ваню ожидала Оля. Сама пришла. Видно, знала, когда Ваня возвратится из рейса. Мог ли Ваня не обрадоваться, увидев любимую девушку! Он обнял ее, желая рассказать о том, что пережил...

— Ой! Слушай! — тараторила Оля, улыбаясь и ликуя. — Мне девчонки такую фату подарили, закачаешься! Я тебе покажу...

— Я свадебный костюм давно купил... Знаешь, такой строгий, двубортный, — отвечал Ваня.

— Молодец, что купил модный, — продолжала тараторить Оля. — А то как же — фата закачаешься, а костюм немодный...

— Самый модный! — сказал Ваня.

— А знаешь что, давай за молоком и картошкой зайдем, а то девчонки просили...

— Раз просили, давай! — сказал Ваня.

И они пошли в магазин — сначала за картошкой, а потом за молоком. И, смешавшись с прохожими, исчезли из поля нашего зрения.

СОДЕРЖАНИЕ

Лесной сторож	3
Марья Андреевна	5
Нормальный кадр	10
На Вахе-реке	15
Ночь доверия	22
На реке черемуховых облаков	24
Спаситель Хохуччи	27
Баба Капа	32
Уйбача	39
Первый футболист	45
Глухариные места	55
Фимка	62
Цезарь	66
Когда на земле жили мамонты... Повесть	72

Виктор Николаевич ХАРЧЕНКО

НА РЕКЕ ЧЕРЕМУХОВЫХ ОБЛАКОВ

Ответственный за выпуск **И. Жеглов**

Редактор **О. Русецкая**

Художественный редактор **Г. Комаров**

Технический редактор **Н. Александрова**

Корректоры **Н. Хасаия, Л. Четыркина**

Сдано в набор 07.03.89. Подписано в печать 28.07.89. А 00972.
Формат 70×108 ¹/₃₂. Бумага кн.-журнальная. Гарнитура «Школьная».
Печать высокая. Условн. печ. л. 4,9. Усл. кр.-отт. 5,42. Учетно-
изд. л. 6,0. Тираж 75 000 экз. Заказ 9—164. Цена 35 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое
объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030,
Москва, К-30. ГСП-4, Сущевская ул., 21. Издат. № 61.

Полиграфкомбинат ЦК ВЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового
Красного Знамени издательско-полиграфического объединения
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес полиграфкомбината: 252119,
Киев-119, Пархоменко, 38—44.

ISSN 0131—2251

ISBN 5-235-01162-7

35 коп.

